

КНЯЖАЯ ГУБА

Анатолий КОЗЛОВ
г. Санкт-Петербург

1. ЛЕТО 1496-е

Кандалакшский залив заволокло густым Косенным туманом, сливая воедино воздушное и водное пространства, скрывая от глаз не только береговую линию, но и весь окружающий мир на расстоянии вытянутой руки.

Из-за полного отсутствия видимости шведская флотилия вынужденно встала на якорь в небольшой, с лесистыми берегами, сужающейся губе — не более двух морских саженей¹ длиной, и милях в пяти от Кандалакши.

Шкипер авангардного судна лежал в помещении кормовой надстройки. Теперь, после многодневных бессонных скитаний по морю и погромов русского побережья, можно было наконец выспаться.

Большая флотилия шведов из трёхсот парусных судов, больших и малых, яхтами и кораблями, собралась у Немецкого становища на острове Кузов, что на Белом море в Кемских шхерах, между Соловецкими островами и Кемью.

Спустя время они двинулись вдоль побережья, разрушая и сжигая русские селения и убивая жителей.

Работа сделана славная. Теперь вроде представился повод передохнуть и выспаться. Но не спалось. Русские тоже не сидели сложа руки.

Ещё в январе² в поход выступило русское войско под командованием Василия Косого³ и Андрея Челяднина⁴. Русская рать уничтожила шведский отряд, прикрывавший границу, вступила в пределы Южной Финляндии, дошла до побережья Ботнического залива и разорила

¹ Около 3 км (швед. морск. сажени).

² 17 января 1496 года.

³ Князь Патрикеев Василий Иванович (по прозвищу Косой, в монашестве Вассиан), ок. 1470 — после 1531), боярин и воевода в. кн. Иоанна III, публицист XVI века.

⁴ Андрей Фёдорович Челяднин (ум.1503) — боярин и конюший, воевода в правление Ивана III Васильевича, русский полководец.

Тавастгусу⁵. Русские отряды опустошили область Улуфсборга и отошли назад только при приближении сорокатысячной армии Стена Стуре⁶. Край остался весьма разорён, русские увели с собой большой полон.

А уже в августе⁷ войска под командованием Данила Щени⁸ и Якова Кошкина⁹ опять перешли границу и разгромили семь тысяч шведов.

Правда, и сами шведы в это время не дремали.

19 августа¹⁰ сего года 70 шведских судов подошли к Ивангороду и высадили шеститысячный отряд под командованием Стена Стуре. Шведы осадили крепость и начали обстрел.

Крепость оказалась недостроенной. Гарнизон был небольшой и не готовый к атаке. Наместник Ивангорода князь Юрий Бабич «убеже из града чрез стену». 26 августа крепость взяли штурмом и всех пленных перебили.

Противостояние шло безжалостное — это была борьба за обладание северными землями.

И вот теперь дошли известия, что русские затеяли морской поход. Весной этого года русская «судовая рать» вышла от устья реки Онеги.

Во главе русской флотилии встали князья братья **Иван и Пётр Ушатые**. Они шли на судах по Белому и Баренцеву морям, вокруг «Мурманского носа»¹¹ на Кольском полуострове, в самые шведские владения.

⁵ «Гамецкий город». Тавастегус (Тавастгус, крепость Хяме — швед. Tavastehus, фин. Hämeen linna) — одна из средневековых крепостей Финляндии. Расположена в городе Хямеэнлинна. Строительство крепости датируется концом XIII века после крестового похода ярла Швеции Биргера в Хяме.

⁶ Стен Стуре Старший (шведский: Sten Sture den äldre; 1440 — 1503) — шведский государственный деятель и регент Швеции в 1470–1497 и 1501–1503 годах.

⁷ 1496 год.

⁸ Даниил Васильевич Патрикеев по прозванию Щеня (? — после 1515) — князь, знаменитый русский воевода, наместник и боярин времён Ивана III и Василия III, родоначальник князей Щенятевых.

⁹ Яков Захарьевич Кошкин-Захарьин (ум. 1511) — крупный русский военачальник, боярин и воевода на службе великих московских князей Ивана III Васильевича и Василия III Ивановича, сын боярина Захария Ивановича Кошкина. Его младший брат — Юрий, отец Романа, имя которого носит царский дом Романовых.

¹⁰ 1496 год.

¹¹ Полуостров Святой Нос.

Теперь русские находились где-то совсем близко, и сражения было трудно избежать. Впрочем, и у шведов силы имелись немалые. Однако в такой туман кто же пойдёт по морю, да ещё в прибрежных шхерах и проливах. Разве только сам сатана... Или русские. От общения с ними шкипер имел большой и не очень приятный опыт.

Шкипер тяжело вздохнул, встал с лежанки и, разгладив бороду, вышел на ют¹² судна. Пробравшись по палубе через шканцы¹³ и шкафут¹⁴, оказался на баке¹⁵.

Рангоут¹⁶ блестел от влаги, как политый маслом. Стоячий такелаж настолько вымок, что слегка провисал. Снасти бегучего такелажа намокли, потемнели, отяжелели и обвисли. Свёрнутые паруса промокли до нитки. Казалось, что весь корабль отяжелел от влаги.

Видимость составляла не больше английского ярда.

Осторожно ступая, шкипер поднялся на полубак¹⁷. Дозорный матрос, стоявший у бушприта¹⁸, клевал носом, пытаясь стоя сохранить равновесие. А куда ему было смотреть в таком тумане, когда даже утлегарь¹⁹ скрывался туманом?

Шкипер не спеша приблизился и осторожно толкнул вахтенного.

— Не упади за борт, — сказал негромко шкипер. Матрос выпрямился и широко открыл глаза. — Ну, как тут? — На всякий случай спросил шкипер.

— Да что тут увидишь! — Развёл руками матрос. — Не воздух, а нюпонсоппа²⁰.

Шкипер слегка улыбнулся. При упоминании нюпонсоппы на секунду вспомнил дом. Ему хотелось давать взбучку матросу. В самом деле, что тут глядеть, когда осевший на палубу туман

¹² Кормовая часть судна.

¹³ Палуба в кормовой части парусного корабля, на один уровень выше шкафута, где обычно находился шкипер.

¹⁴ Средняя часть верхней палубы.

¹⁵ Носовая часть корабля.

¹⁶ Мачты, реи.

¹⁷ Надстройка на баке.

¹⁸ Горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперёд с носа парусника.

¹⁹ Добавочное рангоутное дерево — продолжение бушприта вперёд и вверх.

²⁰ Нюпонсоппа — традиционное блюдо шведской кухни, суп из шиповника с добавлением крахмала (кисель).

можно было резать абордажным палашом, как заливное.

Он замер рядом со смотровым и медленно, и тягуче, словно туман вплывал в его голову через уши и нос, начал погружаться в такие же неясные мысли.

Туман, словно живой, не спеша шевелился за бортом, создавая странные видения и картины. От этого на душе становилось тоже сыро и мутно.

Шкипер и не заметил, когда посреди туманной слизи начало появляться тёмное пятно, постепенно расширяясь и чернея.

Он вначале просто смотрел на него, потом с недоумением. А пятно всё приближалось, всё становилось явственней и темнее, постепенно принимая знакомые очертания.

Наконец шкипер словно очнулся, пришёл в себя и с силой толкнул матроса в плечо.

— Смотри! — крикнул он.

Матрос несколько раз мотнул головой, пытаясь понять, куда смотреть.

В это время из тумана вынырнул совсем близко нос русской лоды с сосредоточенными бородатыми лицами в мохнатых шапках, видневшимися над бортами.

Матрос, наконец увидев, широко открыв рот, отпрянул назад.

Шкипер резко обернулся и бросился вниз по палубе.

— I gevar!²¹ — закричал он. Но было поздно.

Сзади воздух разрезал молодецкий протяжный свист, и раздался боевой гортанный клич, с шипением ухнула пищаль...

2. РУССКИЙ СЕВЕР

История освоения Русского Севера полна славных событий, среди которых немало героических и даже трагичных.

Однако, начиная рассказ с боевого эпизода, мы всё же посвящаем его людям, осваивающим эти края мирным, созидательным трудом: первопроходчикам, промысловикам, земледельцам, строителям и пр.

И уж так сложилось в истории, что нередко им, людям мирных профессий, приходилось совмещать производительный труд с трудом ратным.

Такова, наверное, вообще история нашего Отечества с древних времён. Не только возделывание, украшение земли российской, но и её отстаивание и защита от иноземных посягательств.

Конечно, описать всю историю Русского Севера в одной работе весьма затруднительно, да мы и не будем пытаться объять необъятное.

Мы расскажем о судьбе небольшого поселения, с одноименным названием того беломорского залива, где оно и располагается, — КНЯЖАЯ ГУБА. Такое название носит и залив, и поселение на его берегах. И название это тесно связано с историей освоения Русского Севера.

Но прежде чем начать, хотелось бы несколько слов сказать о терминологии.

В самом начале вы, возможно, обратили внимание на слово «освоение». Да, именно таким термином лучше обозначать приход русских в новые земли и их присоединение. Часто, в последние лет 200 с лишним, на русскую историю активно пытаются наложить западную «кальку». Используют западную терминологию для обозначения регионов и исторических процессов. Чтобы вписать нашу историю в «цивилизованные рамки».

Ну вот, отойдя чуть в сторону, пример — «Ближним Востоком» был впервые так назван европейцами, так как регион Северной Африки и Западной Азии находится к Европе ближе всего. Впервые термин использован в статье «Персидский залив и международные отношения» американским военным и историком Альфредом Тайером Мэхэном в 1902 году. При этом изначально он считал «Ближним Востоком» лишь Иран как одну из сфер влияния *Великобритании!* А сейчас «Ближний Восток» включает в себя Азербайджан, Армению, Бахрейн, Грузию, Египет, Израиль, Иорданию, Кипр, Ливан, Палестинскую национальную администрацию, Сирию, Турцию, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовскую Аравию. И, конечно, такое объединение единым региональным термином, попахивающим геополитическим шулерством, не может не вызвать недоумение.

И вот нынче для описания распространения русского влияния употребляют слово *колонизация*.

Но кургузый исторический европейский кафтанчик никак не лезет на широкие российские плечи. И что годится англосаксу, средневековому испанцу или итальянцу, то русскому не всегда впору. Хотя

²¹ К оружию! (швед.)

бы потому, что Российская империя и тем более государства, созданные на её территории, — никогда не были рабовладельческими. Даже наоборот, Россия всегда боролась с рабством и считала его позорным явлением, недостойным цивилизованного человека. Для описания российской истории слово «колонизация» новых земель никак не подходит, если проводить аналогию с колонизацией западной. И даже «покорение» — не совсем точно выражает процессы расширения территорий, а только если имеются в виду суровая природа и климат.

Чтобы понять разницу между *освоением* и *колонизацией*, можно, например, сравнить труд и жизнь африканских «рабочих» в английской колонии на острове Ямайка в XIX веке и, скажем, быт и положение коренных народов Сибири в тот же временной период.

Поэтому термины *освоение* и *присоединение* новых земель будут точнее. Колонизация подразумевает утерю политической, экономической свободы и даже национальной идентичности. Новые же народы России после присоединения их сохраняли свою самостоятельность, свой язык, свою культуру. Их обитатели имели равные права с жителями России. И уж никак не были рабами.

И русское присоединение угро-финских племён принципиально отличалось от немецкой и шведской колонизации.

Западная колонизация чаще всего сводилась к постройке на территории покоренных племен крепостей и замков, где жили рыцари и их свита. Окрестное население становилось крепостными этих рыцарей, людьми расово ниже главенствующей нации, и ещё принудительно христианизировалось — для удобства управления ими. Создавалась наднациональная «элита». Элита, национально отличающаяся от местного населения. И не надо далеко ходить за примером — на современной Украине слово «господин» по сей день звучит на польский манер как «пан», происходящее в свою очередь от латинского слова «*rapinus*» (плащ).

Туземцев же, пытавшихся позже отходить от количества, вешали, жгли на кострах, расстреливали, привязывали к пушкам, и т. д. Но ни о какой самостоятельности речи не шло.

Присоединение же проводилось совсем иначе. Естественно, что без вооруженных столкновений русских с угро-финскими племенами дело не обо-

дилось. Тем более с немецкими и шведскими претендентами на эти территории.

Но в целом присоединение не подразумевало экспансии и происходило мирно. Русские не подавляли туземные племена, а вполне гармонично занимали свободные территории. Слабое заселение северных земель позволяло русским внедряться почти безболезненно. Русские не превращали туземцев в своих крепостных или рабов, а накладываемая на них дань была обычным налогом.

Не возмущаемся же мы тем, что платим государству налоги. Собственно, это и есть фундамент государства, его экономическая основа. И, в конце концов, и пришлые, и коренное население получали одни и те же права, сохраняя при этом язык, культуру и даже нередко приобретая собственную письменность.

Сравните сами: где балтийские славяне, населявшие нынешнее Балтийское побережье Европы; где славянский народ пруссы, где ацтеки и майя, где коренные жители Америки — индейцы, и пр.?

А теперь посмотрите национальный состав Российской империи. Или Советского Союза — где появились украинцы и Украина, казахи и Казахстан. Или даже состав современной России — где множество национальностей, насчитывая порой только сотни, даже десятки представителей сохраняют свою идентичность, свою культуру и язык. Собственно, ваш покорный слуга — автор этих строк (А.К) знал единственного представителя одного из народов СССР. Да, весь этнос состоял из одного человека! И хотя это было делом простой описки — ошибки при оформлении паспорта, но вы бы знали, как такую «редкую» народность везде оберегали — и в армии, и на гражданке. До тех пор, пока в паспорте не отменили графу «национальность». Случай, конечно, абсурдный и анекдотичный. Но показательный, и нередко абсурд нужен, чтобы выявить подлинную суть бытия. В данном случае — суть национальной политики России, отношение русских к другим народам. И разве это сродни западной колонизации?

Ещё одна немаловажная деталь, отрицающая термин «колонизация» в отношении присоединяемых к России земель. А суть в том, что ни земли Русского Севера, ни вновь присоединённые просторы Сибири, и даже пограничные казачьи области вокруг России никогда не знали крепостного права. Так что о колонизации и тем более порабо-

щении, имея в виду российскую историю, говорить не приходится.

3. ОСВОЕНИЕ СЕВЕРА НОВГОРОДЦАМИ В XI–XIII ВЕКАХ. НОВГОРОДСКИЕ ЗЕМЛИ. БОРЬБА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ

Исходя из исторических реалий, можно утверждать, что первыми приступили к освоению северных районов европейской части России новгородцы. Их проникновение на север началось еще с конца X в.

Новгородцы в XI–XIII веках принципиально не строили крепостей и замков в районе реки Невы, в Карелии и Южной Финляндии. И даже русская православная церковь вела миссионерскую деятельность сравнительно мягко — без особого принуждения и давления. И только мирными средствами. По-другому и быть не могло — в новгородских землях царилла большая веротерпимость, значительная часть самих новгородцев в этот период оставалась язычниками или поклонялась как Христу, так и Перуну.

На основе вышесказанного можно заключить, что даже термин «покорение» не является точным и, выражая некую агрессивность, может искажать суть процесса освоения и присоединения территорий к России.

В X–XI веках русские стали появляться на берегах Белого моря. Не все народы однозначно принимали пришельцев. Проходило их частичное переселение к западу — на реку Онегу, и к востоку — в сторону Северного Урала. Между первыми новгородскими землепроходцами далекого Севера и заволочской чудью шла длительная борьба²². Чудь «белоглазая», как ее величали новгородцы, порой не хотела ни чужой религии, ни тем более власти новгородцев над собой. Но все же в большинстве мест чудь и новгородцы жили мирно и чудь постепенно усваивала язык, нравы, обычаи и религию более культурных русских переселенцев.

Летописцы не говорят ясно о каком-то завоевании Заволочья, потому что завоевания, в смысле — вооруженного, не было. Было медленное поступательное движение, тянувшееся несколько веков,

в котором эпизод вооруженного столкновения или противостояния чередовался с мирной уступкой, с договором. Кроме того, это движение осуществлялось, как правило, не государственными силами Новгорода, а на средства частных лиц — богатых предприимчивых бояр, купцов и промышленников — отважными новгородскими ушкуйниками. То есть это нельзя еще назвать в полном смысле государственной политикой, даже в пределах Новгорода Великого. Тем более, что и общего государства тогда еще не существовало.

В тех же X–XI веках в Дании, Швеции и Норвегии шёл процесс государственной христианизации с одновременным разделом территории с многочисленными феодальными войнами. И потому в это время отсутствие с их стороны внешнеполитических претензий, в том числе и на северные земли, вполне исторически объяснимо.

Новгород особенно начинает расширять свои владения в XI веке, в первую очередь за счет земель на северо-востоке, по южному берегу Белого моря, рекам: Онеге, Северной Двине, Мезени и их многочисленным притокам.

Самое раннее письменное упоминание о плавании новгородцев по северным морям имеется в Софийской первой летописи, как уже в 1032 году новгородский посадник Улеб ходил к «Железным воротам»²³.

В Эстляндии русские основали город Колывань²⁴. Первое упоминание о Колывани в русских летописях относится к 1154 году.

В XI–XII веках новгородцы заселили не только берега рек Волхов и Луга, но и берега Невы вплоть до ее устья. По новгородским «старым книгам» селения, возникшие на правом берегу Большой Невы, принадлежали к Спасско-Городенскому погосту Ореховского уезда, а селения левого берега — к Николо-Ижорскому погосту Новгородского уезда.

Вначале появились временные стоянки (станowiща) для торговых и промысловых дел, а затем и постоянные русские поселения не позднее XI — на-

²² В Никоновской летописи под 1032 годом говорится: «Убиен бысть Глеб, сын Святославль, в Заволочьи».

²³ Известный знаток истории Русского Севера В.В. Крестинин еще в 1789 г. отождествлял «Железные ворота» с проливом Карские ворота, то есть он считал, и не обосновательно, возможным проникновение новгородцев в Карское море в первой половине XI в. С ним полностью согласны отечественные историки освоения Арктики Н.Н. Зубов и М.И. Белов.

²⁴ С 1219 года — Ревель, с 1917 года — Таллинн.

чала XII в. Новгородские бояре и купцы регулярно посылали на север для сбора пушнины и морских промыслов дружины.

Эти полупромышленные, полувоенные ватаги селились на берегах рек, впадающих в северные моря. Первые такие становища появились в устьях Онеги, Северной Двины, в Нёноксе и Уне, а затем на реке Варзуге, у мыса Святой Нос и на Печоре. Поселения новгородских смердов в районе Холмогор получили название боярщин.

Уже в уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича от 1137 года упоминаются заонежские погосты, в частности, Иван-погост, который со временем вошел в состав Холмогоров под названием Ивановского посада. Кроме него, в уставе упоминаются расположенные на Северной Двине погосты и села Кергела, Ракунь, Усть-Емец (в устье р. Емцы), Усть-Вага (в устье р. Вага), Тайма, на притоке Северной Двины реке Вага — Ведь, Пуйте; еще дальше на восток — Пинега и Помоздин, погост на Вычегде близ реки Ижмы.

В начале XII века новгородцы создают уже свои постоянные поселения в устье Северной Двины. Иноземцы, посещавшие Новгород и Псков в пору их экономического расцвета, утверждали, что редкий город в Европе мог с ними сравниться. Новгородские купцы и бояре вели большую торговлю со всем «заморьем». Иноземные купцы привозили дорогие фландрские сукна, вина, оружие, металлы, пряности и другие товары. Новгород продавал им моржовую кость, соль, воск, лен и ворвань. Важной статьёй вывоза были меха: соболь, горноста́й, куница, лисица, песец и белка. Иностранцы купцы в Новгороде имели свои торговые ряды и склады и занимались торговлей без особого ограничения.

Главные статьи новгородского вывоза поставляли Заволочье и Югорская земля. Новгородцы так дорожили Заволочьем, что в договорах с князем всегда оговаривали право на свое владение северными волостями. «Се, княже, волости новгородские».

Купцы и партии промышленников-смельчаков добирались в лодках-ушкуях до берегов Белого моря, Северной Двины и проникали на Печору. Купцы шли преимущественно на восток, в бассейн реки Печоры, а промышленников манило своими богатствами Белое море, где они добывали моржовую кость, шкуры и сало морских зверей. Путь,

связывающий Новгород с далеким Заволочьем, шел по Волхову, берегу Ладожского озера, по реке Свири, огибал Онежское озеро. Здесь он раздваивался. Одна его ветвь шла прямо на север от берегов Онежского озера через Маткозеро к реке Выг и оттуда в Поморье, а вторая ветвь шла вверх по реке Водле, затем переходила в её приток Мышьи Черевы, которая волоком была связана с озером Волоком и вытекающей из него рекой Волошкой.

Дальше путь шел по реке Поче в Кенозеро и через Кену в реку Онегу. По Онеге путь шел к морю или же переходил на верховья реки Емцы и по ней спускался на Северную Двину. Были и другие пути проникновения на север через бассейн Сухоны и Вычегды. Отважные новгородцы не ограничились плаванием в пределах Белого моря, а стали ходить на Новую Землю и к берегам Норвегии.

На основных путях передвижения новгородских проходцев стали появляться первые постоянные поселения и монастыри. К первым таким поселениям относятся Каргополь — на реке Онеге, Шенкурск — на реке Ваге, Матигоры, Холмогоры и Ракула — на Двине, Вологда — на реке Вологде, Великий Устюг — на Сухоне, Кола — на Мурманском побережье и др.

Одинокому поселенцу было не под силу пробраться на далекий Север, осесть в Поморье. На беломорский берег могли проникать только хорошо снаряженные партии, такие группы и отряды новгородскими боярами. Так появились в Двинской земле обширные вотчины новгородских бояр с оседлым русским населением.

Монастырь Михаила Архангела в устье Северной Двины был основан между 1110 и 1130 годами новгородским архиепископом Иоанном. При нём скоро появился поселок или слободка, предшественник порта и города Архангельска.

В 1147 году в районе скрещения водных путей от Новгорода и с Волги на Северную Двину, где и возникнет Вологда, уже существовал Воскресенский посад, при котором и был основан пришедшим из Киева чудотворцем святым Герасимом Вологодским Троицкий монастырь. В 1218 году на Сухоне основывается Великий Устюг.

Наиболее удобными транспортными путями в этих землях, естественно, становились реки и озера. По Свири путь шел на Онежское озеро и далее через реку Водлу, на которой уже ранее возник погост Пудож, и волок на реку Онегу. Оттуда путь

лежал вниз по реке к Белому морю. Через реку Емцу, истоки которой расположены совсем рядом с Онегой, новгородцы, возможно, переходили на Северную Двину.

Другой путь вел через реку Вытегру к озеру Белому. А из озера Белого через незначительный междуозерный волок путь шел на север к озерам Воже и Лача, соединенным рекою Свидью. Из озера Лача вытекала Онега, и по ней путь шел до самого Белого моря. Наконец, к Онежской губе Белого моря можно было попасть и с северного берега Онежского озера через реки Выг, Суму и Нюхчу.

Путь с Шексны на Русский Север тоже нельзя не упомянуть. Через левый приток Шексны реку Славянку и волок можно было попасть в реку Порозовицы, впадавшую в Кубенское озеро. А из последнего вытекала река Сухона, которая, сливаясь с рекой Юг, образовывала великую реку Русского Севера — Северную Двину.

Этот волок к Кубенскому озеру в старину назывался Славянским Волочком и являлся началом сплошного водного пути по Сухоне и притоку Северной Двины реке Вычегде, открывавшей удобные дороги для проникновения новгородцев в Двинскую и Мезенскую земли, а затем и в область бассейна Печоры.

Уникальный сплошной водный путь протяженностью почти в 3000 км начинался у Шекснинско-Кубенского волока и оканчивался у Печорского полярного взморья. На нем был только один небольшой волок в 5–8 км между бассейнами Вычегды и Печоры. Эта великая речная магистраль сыграла выдающуюся роль в освоении Русского Севера. От нее шли меридиональные водные пути к побережьям Белого и Баренцева морей, к побережьям, названным в те времена Летним, Зимним, Канинским, Тиманским, Большеземельским.

Из Заволочья новгородские промышленники и торговцы, а в более поздние века и купцы Московского государства вывозили меха: соболей, куниц, бобров, горностаев, белок; рыбу и рыбий жир; моржовое и тюленьё сало, моржовые клыки («рыбий зуб»); кожи морских животных, продукты китового промысла.

Для плавания по рекам и перетаскивания через волоки, а также для прибрежного морского плавания были наиболее удобны малоразмерные суда и

лодки — ушкуи и шитики²⁵, конструкцию которых создали новгородские умельцы.

Особенность конструкции шитика — тесаные доски наружной обшивки крепились к набору и сшивались между собой по пазам при помощи крученых мочальных веревок либо распаренной вицы²⁶. Шитики оснащались мачтой с прямым парусом и веслами. В средней части лодки нередко устраивали стропильную крышу, крытую берестой, а поверх нее доски. В кормовой части располагалось помещение для команды. Обычно на шитике имела небольшая гребная лодка.

Ушкуй — лодья, вмещавшая до 25–30 человек. Ушкуи отличались легкостью хода, имели съемную мачту и весла. Видимо, имели и палубу, но не по всей длине судна. Небольшая осадка позволяла им ходить и по малым рекам.

Знаменитым молодцом-ушкуйником из новгородской былины был Василий Буслаевич.

По одной из легенд, он на мосту через реку Волхов — в Новгороде Великом, будучи буен во хмелю, перебил тележной осью половину новгородских мужиков, пытавшихся его унять. Но вроде почти без жертв — так только...

По былине, он задумал набрать себе дружину таких же молодцев, как он сам. И кликнул клич: «Кто хочет пить и есть готовое, вались к Васье на широкий двор, пей и ешь готовое, носи платье разноцветное». Нашлись охотники числом 29 человек. Что и составили Васильеву дружину — в один ушкуй.

Флотилии ушкуйников непрерывно тревожили болгарские пределы, нападая на прикамские и болгарские города на Волге²⁷.

Ушкуи использовались для прибрежного плавания в Балтийском и северных морях, что, вероятно, отражено в самом названии лодьи. По утверждению отдельных исследователей, оно происходит от слова «ошкуй» — белый медведь на поморском диалекте. Поэтому ошкуйниками (ушкуйниками) называли промышленников, охотившихся на белых

²⁵ Шитик — плоскодонная малая лодья длиной до 10–15 м и шириной примерно 3 м, в основном для перевозки грузов. Грузоподъемность большого шитика до 30 тонн.

²⁶ Корни можжевельника, ивовые ветви.

²⁷ В 1359 г. новгородские ушкуйники вновь взяли и разграбили на Каме болгарский Жукотин.

медведей, а во времена Великого Новгорода — отчаянных землепроходцев²⁸.

Шведский архиепископ, писатель и картограф XVI века Олаф Магнус писал, что русские купцы «изредка... переносили ладьи на плечах через полосу земли, отделяющие водные потоки один от другого».

Однако тащить на своих плечах судно, пусть и небольшое, — дело нелёгкое. Скоро выход был найден. В XI–XIII веках в районах расположения важнейших волоков на пути на север появились древнерусские поселения. Их жители расчищали и поддерживали в надлежащем состоянии волоковые пути, содержали необходимых для перевозки грузов лошадей и вообще помогали путникам в их нелёгких путешествиях.

В первой половине XII века в числе новгородских земель указывается «волость Тре». В Древней Руси под этим подразумевали восточную часть Кольского полуострова, или Терский берег.

По утверждению профессора М.И. Белова²⁹, слово «тре» означало «лес», «лесистый берег». На основании точных данных известно, что в Средние века восточная часть Кольского полуострова изобилвала хвойными лесами. В договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем от 1264 года кроме Печоры, Югры, Заволочья новгородскими северными подвластными областями названы также Вологда и Тре.

В древних документах имеются сведения о том, что в конце XIII в. новгородские рыболовные ватаги успешно промыслили в Белом море, и, в частности, у Терского берега. И еще задолго до этого в XII веке новгородцы не только ловили семгу и били тюленей на Терском берегу, но и брали дань с обитавшего там коренного населения.

Князьям, с которыми Великий Новгород подписывал договорные грамоты на княжение, надлежало особо договариваться с новгородскими боярами относительно права посылки на Белое

²⁸ В летописи сообщается, что в 1320 г. некий новгородец Лука ходил в ушкуях на Мурман. В 1339 г. ушкунники напали на Шведскую Корелу, а через 10 лет совершили набег на берега Норвегии.

²⁹ Михаил Иванович Белов (1916—1981) — советский историк, исследователь полуострова Ямал и Мангазеи, историк географических исследований; д.и.н. (1958), профессор (1967). Участник ВОВ.

море и на Терский берег собственных княжеских рыболовных и зверобойных ватаг. На этот период приходится и годы жизни новгородского князя Александра Ярославича (Невского).

Дата основания Колы на Мурманском берегу точно неизвестна, но в норвежской летописи она упоминается впервые в 1210 году, а в русской — в 1264-м.

Профессор Н.Н. Зубов³⁰ отмечает, что уже с 1200 года норвежцы вынуждены были содержать постоянную морскую стражу для защиты от набегов новгородской вольницы, а в 1307 году на крайнем северо-востоке Норвегии даже построили крепость Вардехуз³¹.

Новгородские острожки, зимовья и погосты в XII веке стояли, как правило, уже на всех торговых путях северного края³².

Новгородское освоение и присоединение северных земель сыграло главную роль в хозяйственном устройстве побережья Белого и Баренцева морей, в развитии в регионе судостроения и мореходства.

Целую тысячу лет назад новгородцы начали осваивать северные земли! Рассказы о сказочном изобилии тех мест быстро распространялись по новгородской земле и за её пределами. И отношения с обитателями открываемых земель изначально складывались мирно. К обоюдному удовольствию пришельцы обменивались с аборигенами товарами. Торговля больше шла натуральная: местные жители «показывают на железо и делают знаки руками, прося железо; и, если кто даст им нож ли или секиру, они в обмен дают меха».

Но время шло. Вновь открытые земли стали принадлежать Новгороду Великому, и новгородские купцы стали теперь взимать дань с местного населения.

Новгород Великий жил в основном за счёт торговли. И в опасные и тяжёлые походы новгород-

³⁰ Николай Николаевич Зубов (1885—1960) — русский, советский морской офицер, инженер-контр-адмирал, океанолог, полярный исследователь, доктор географических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

³¹ Русские жители севера называли ее Варгаевым.

³² В середине XIV в. в летописях упоминаются населенные пункты Орлец, Матигоры, Холмогоры в низовьях Северной Двины, Шенкурск на Ваге, Каргополь на Онеге, Ненокса, Уна и др., а также несколько монастырей.

ских землепроходцев влекло прежде всего стремление добыть ценившиеся в то время товары. Для снаряжения таких экспедиций купцы готовы были раскошелиться.

Новгородцы же везли домой «рыбий зуб»³³, серебро, птиц. Но главной, самой желанной добычей считались меха. Из северных земель в Новгород шёл богатый выбор пушнины: соболи, горностаи, чернобурые лисицы, куницы, выдры, бобры, белки. И это не считая лосей, косуль, оленей, чьи шкуры просто шли для выделки кож, как и морского зверя.

Немалая доля пушнины попадала из Новгорода в Европу. Для новгородцев пушнина наряду с воском была главным экспортным товаром — своего рода аналогом нынешних нефти и газа. Вывоз пушнины являлся одной из главных статей торговли Новгорода с ганзейскими и ливонскими городами.

В то время Великий Новгород служил основным «окном в Европу» из Руси. Он стоял на торговом пути «из варяг в греки», то есть из стран Скандинавии в Византию. И одновременно на пути из государств Древнего Востока на Русь и стран балтийского побережья.

Начало торговли Новгорода со странами Западной Европы относится к X–XI векам, что упоминается в скандинавских сагах.

В ходе освоения северных земель новгородцам пришлось бороться и с конкурентами. И, как ни странно, одними из основных соперников в Заволочье (Двинской земле) с XII века были суздальские князья. Так, в 1169 году новгородский сборщик дани Даньслав Лазутинич разгромил на севере крупный отряд суздальцев. В ответ на это войска великого князя Андрея Боголюбского зимой следующего года осадили Новгород. Впрочем, новгородцы умели постоять за себя.

Не раз приходилось новгородцам скрестить оружие на севере и с западными соседями. Русские и скандинавские источники неоднократно упоминают вооружённые столкновения шведов и норвежцев с новгородцами и союзными им карелами.

Ко времени образования единого Русского государства новгородцами была заложена прочная основа для дальнейшего освоения Севера европейской части нынешней России, от Кольского полуострова до Северного Урала. За столетия нов-

городцы накопили богатый опыт освоения новых земель, получивший развитие в ходе начавшегося вскоре освоения Сибири.

Некоторое сопротивление новгородцам оказывали финские племена: емь, сумь и др. Так, в 1142 году пришло войско еми и «воевало область Новгородскую». Согласно летописи, новгородцы перебили их всех до единого. Затем емь искали ладожане и убили 400 человек. В 1143 году на емь совершили поход карелы.

В 1149 году емь совершила набег на новгородскую волость Водная Пятина. Новгородцы послали против еми отряд из 500 человек. Все финны, участвовавшие в набеге, были перебиты либо взяты в плен.

У новгородцев хватало сил, чтобы остудить воинственный пыл финнов. Так, что в начале XII века большая часть племен, проживавших на территории современной Финляндии и Карелии, платила дань Великому Новгороду.

В 1164 году шведская флотилия через Неву прошла в Ладожское озеро. Шведское войско осадило город Ладогу. Ладожане сожгли свой посад, с посадником Нежатою заперлись в каменном кремле и послали за помощью в Новгород. Шведы попытались взять кремль приступом, но были отражены с большими потерями. Они отошли к устью реки Вороной и устроили укрепленный лагерь. Через пять дней к их лагерю подошли дружины новгородского князя Святослава Ростиславовича и посадника Захария. Что стало для шведов неожиданностью. Большинство шведских воинов было убито или взято в плен. Из 55 шнек сумели уйти лишь 12.

Сильнейший удар шведам русские нанесли в ходе таинственного похода на шведскую столицу Сиггуну в 1187 году. Флотилия кораблей с новгородскими, ижорскими и карельскими воинами скрытно прошла по шведским шхерам к Сиггуне. Столица шведов была взята штурмом и сожжена. В ходе боя был убит архиепископ Ион. И надо сказать, что как русские, так и карелы имели основания разделаться с этим духовным лицом, которое «9 лет воевало с русскими, ижорой и карелами».

Русско-карельская рать благополучно вернулась домой. Шведы не стали восстанавливать разрушенную Сиггуну, а начали строить новую столицу Стокгольм. Стокгольм основали вдова

³³ Так в Средние века называли моржовый клык.

архиепископа Иона и ярл Биргер из рода Фолькунгов³⁴.

Почему же поход 1187 года назван таинственным? О нем нет никаких упоминаний в русских летописях, а все сказанное взято из шведской «Хроники Эрика». И шведские, и отечественные историки считают «Хронику Эрика» вполне достоверной. А в России сохранилось вещественное доказательство похода — врата, украшенные бронзовыми барельефами. Эти врата новгородцы вывезли из Сиггунны и приделали к входу в новгородский храм Святой Софии³⁵.

Русские разрушили до основания вражескую столицу и увезли много ценностей. Почему же об этом молчат наши летописи?

Летописцы запечатлевали буквально каждый шаг князей — это и было предметом летописных сказаний. Походы же удалой новгородской вольницы не фиксировались. Так было и потом. Много ли наши летописцы написали о победах ушкуйников над ордынцами?

Стоит заметить, что «молодцы новгородские» оказались не только смелыми воинами, но и опытными мореходами, хорошо знающими шведские шхеры. Явно поход 1187 года был не первым.

Здесь очень важна поддержка, оказанная новгородцам карелами, ижорой и другими угрофинскими племенами в борьбе с емью³⁶ и шведами.

И карелы не раз ходили с новгородцами в поход на емь³⁷.

Позже — в первой половине XIII века, по примеру готландцев, немцы развернули в Новгороде представительство международной торговой организации Ганзы с Гостиным двором — Ганзейского союза.

Казалось бы, торговля и сотрудничество с европейскими странами должна была от этого только процветать.

И так действительно было, даже несмотря на нападение монгольской орды в 1237—1241 годах на Русь.

³⁴ Умер в 1202 году. Не путать с современником Александра Невского, ярлом Биргером, 1210—1266 гг.

³⁵ Копия их находится в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве.

³⁶ Тавастами.

³⁷ В 1191 году, под 1143 годом, а в 1228 году вместе с ижорой отражали набег на Ладожское озеро.

Но аппетиты и ганзейских купцов, и отчасти новгородских выросли до непомерных размеров и перешли в области политическую и духовную. И когда возникла угроза не только подпадения новгородских земель под власть папы римского, но и запахло униатством — слиянием православия с католичеством, вот тут на исторической сцене и появилась личность защитника Земли Русской великого князя Александра Ярославича Невского.

В 1232 году папа римский Григорий IX призвал крестоносцев к наступлению на новгородские земли. Для этого организаторы похода придумали «благородный» повод — они должны были якобы воспрепятствовать «колонизации» новгородцами Финляндии. Будто бы защитить финнов от оккупации русскими. Очень знакомо — не правда ли?

В июле 1240 года шведские корабли через Котлино озеро³⁸ вошли в Неву и стали в устье реки Ижоры. Здесь-то и состоялась знаменитая битва, после которой полководец князь Александр Ярославич получил титул Невский.

В этом плане история Древней Руси, Российской империи и история современной России — мало чем отличаются. Рыба ищет где глубже, а торговый капитал — где прибыльнее. А для этого купцы, дилеры, торгаши (в хорошем смысле) и т.д. готовы пойти на любые компромиссы. Но не будем их судить с кондачка — без торговцев и без торговли нельзя выстроить здоровую экономику. Просто не надо давать торгашам власть. Но это тема более поздних глав, скорее о нашем времени.

На самом деле торговля с Западом не прекращалась полностью даже в периоды разрыва дипломатических отношений с Ливонским орденом.

Но во многом именно меха обеспечивали процветание Новгородской земли на протяжении столетий. В Новгород пушнина попадала отчасти в виде дани с северных народов, для сбора которой регулярно отправлялись военные отряды, отчасти — в виде налогов с появившегося там русского населения.

О том, чем и как новгородцы и жители севера «били белку в глаз», рассказывают найденные археологами томары — тупоконечные охотничьи стрелы. Их делали целиком из дерева, с расширяющимся концом, либо насаживали на них костяные

³⁸ Финский залив.

наконечники в виде усечённых цилиндров. К концу XIX века их всё ещё использовали некоторые коренные народы севера: ханты, манси, ненцы, якуты, эвенки, чукчи.

По крайней мере, до XVII века охотничий лук и стрелы использовались в пушной охоте в Сибири и русскими³⁹.

Высоко ценился добывавшийся на севере моржовый клык — «рыбий зуб». По своим качествам моржовый клык не уступает бивням слона и мамонта, а по текстуре напоминает мрамор. Изделия из него хорошо поддаются полировке.

С севера доставлялись и ценившиеся как в самом Новгороде, так и в Европе и Золотой Орде, ловчие птицы. Для их отлова туда направлялись специальные ватаги.

4. КОЛЬСКИЙ РУБЕЖ РУССКОГО СЕВЕРА. ЗЕМЛЯ СААМОВ

Кольский полуостров — первая заполярная территория, которую освоили русские поселенцы. Это случилось еще во времена Новгородской республики.

Норвежский мореход Отер в докладе королю Англии Альфреду Великому, у которого он состоял на службе, называл свою родину Хельгеланн «самой северной из всех норманнских земель». Лишь вскользь он упоминал сушу, простирающуюся дальше на север. По словам Отера, она «совершенно безлюдна», за исключением нескольких поселений терфиннов, занимающихся «зимой охотой, а летом рыбной ловлей».

Этот доклад был написан в 80-е годы IX века.

К началу XIII века относятся первые летописные упоминания о проникновении новгородцев на **Кольский полуостров**. Под 1216 годом летописец занес рассказ об убийстве «Семьюна Петриловца», бывшего сборщиком дани на Терском берегу. Подвластность Кольского полуострова Новгороду в XIII веке подтверждается и другими документами. В древнейшей договорной грамоте с князем (1265 год) среди «волостей» новгородских упомянут «Тре», то есть Терский берег, а в последующих грамотах значились уже Кола и Тре. С X по XIII век Великий Новгород утвердился в Заволочье, Карелии и на Мурмане, а новгородские сборщики дани

и бояре стали полновластными хозяевами этих обширных земель.

К финнам, проживающим на территории нынешней Финляндии, терфинны имели не прямое отношение. Это были саамы — народ, возникший в результате смешения племен Волжско-Окского междуречья с финно-уграми, пришедшими в регион позже. Земля называлась Терь, или Тре. Сейчас на всех картах она значится как Кольский полуостров.

Русские первопроходцы, прибывшие в Терь, описали саамов более детально. Они отмечали, что живет этот народ «в расселинах каменных», не строя изб; не знает ни хлеба, ни овощей, а одежду шьют из оленьих шкур. Саамы не занимались животноводством и сельским хозяйством, предпочитая не вести оседлый образ жизни. Они охотились на диких оленей, но охота не была их главным промыслом. Саамы селились у озер и на морском берегу — их кормила прежде всего рыбная ловля. Исповедовали язычество, приносили своим богам в жертву часть улова. Правила у них старейшины родов, по совместительству исполнявшие роль жрецов.

5. ОСВОЕНИЕ

Как уже понятно из вышесказанного — первопроходцы шли из Господина Великого Новгорода, то есть Новгородской республики. В XIII веке, когда Новгородчина окончательно сложилась как политически самостоятельное государство, пахотных земель, имевшихся в распоряжении новгородцев, стало не хватать. Земля не отличалась плодородностью, а на подвоз зерна рассчитывать было сложно, поскольку южные и восточные князья не пропускали в Новгород ни одного воза.

Впрочем, не земледелие приносило основной доход новгородцам. В Новгородских пятинах был развит лесной и рыбный промысел, который не только кормил народ, но и позволял активно торговать. И все же земли быстро скудели, что и заставило приступить к исследованию новых территорий.

Руководили присоединением Тери боярство и прочая новгородская знать. Для развития торговли их холопы продвигались в Поморье, где основывали промышленные поселки. Вслед за ними подтягивались промышленники — те, кто управлял промыслом; и пахари, обживавшие Север. Места хватало всем — пришлые не враждовали с племенами саамов.

³⁹ В удалённых местах — вплоть до начала XX века.

Но новгородцы были не единственными претендентами на Кольский полуостров. Норвежцы, известные русским как мурманы, тоже хотели обложить саамов данью. Между норвежцами и новгородцами происходили стычки — до заключения Александром Невским в 1251 году договоров, определяющих правила сбора дани с коренного населения обеими сторонами.

6. ДВЕ ВОЛНЫ НОВГОРОДСКОГО НАШЕСТВИЯ В ЗАВОЛОЧЬЕ. ВАГА И КОКШЕНЬГА (КНЯЖЕСТВО БОХТЮЖСКОЕ)

В древней российской истории выделяют две волны новгородского освоения Заволочья, в результате которых русские заселили Север. Начало освоения относится к периоду призвания варягов — из балтийских славян в 862 году и княжения потомков Рюрика в Ладогe, Белозере и Полоцке.

Общепринято считать, что в IX—X веках новгородцы заняли территории по реке Сухоне и ее притокам. Потом у них появились «конкуренты» из Ростово-Суздальского княжества, которые также захотели присоединить северные территории. Ростово-Суздальское княжество подчинило себе Великий Устюг и Белоозеро.

Сначала в Важский край по рекам на своих легких ладьях проникали военные отряды новгородцев — ушкунники. В их задачу входило разведать новые земли, установить контакт с аборигенами и основать на этой земле свои опорные пункты — погосты. Вслед за воинами-ушкунниками шли купцы, затем землевладельцы, скупавшие землю. Одновременно с ними приходили православные миссионеры, монахи, строившие храмы и основывающие монастыри.

Наконец, на новые территории устремлялись крестьяне-переселенцы, не имевшие возможности развиваться хозяйственно у себя на родине из-за малой площади обрабатываемых земель. Приходили в Заволочье и беглые люди, по разным причинам вынужденные бежать из Новгорода и Ростово-Суздальского княжества.

Большинство историков утверждают, что освоение новгородцами Заволочья проходило «мирно» и «бескровно», что местные чудские племена не оказывали серьезного вооруженного сопротивления и быстро адаптировались к новой жизни,

новой вере, новым реалиям, а через 300-400 лет окончательно ассимилировались.

Заволочье и Югра были не единственным направлением, по которому новгородцы продвигались в Арктику. В XIII столетии в сфере влияния Новгорода оказывается область Тре, которую учёные отождествляют с Кольским полуостровом⁴⁰.

Самое раннее свидетельство, связанное с этой местностью, содержится в рассказе Новгородской первой летописи младшего извода о Липицкой битве 1216 г. Перечисляя павших в сражении новгородцев, летописец упоминает «Семьюна Петриловица, терьскаго даньника»⁴¹.

Так что уже в первой четверти XIII века в этих землях собиралась дань. Само же название «Тре», помимо летописи, впервые встречается в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем⁴², относящейся к 1264 году⁴³. Эти сведения с некоторыми разночтениями воспроизводятся во всех аналогичных документах более позднего времени.

Данных о деятельности Новгорода в этой местности очень мало. Но скорее всего, именно продвижение новгородцев в северо-западном направлении привело к осложнению отношений с Норвегией.

***

Как мы уже говорили, между норвежцами и новгородцами происходили стычки — до заключения Александром Невским договора в 1251 году.

⁴⁰ Более позднее поморское название Кольского побережья — Терский берег.

⁴¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. С. 57.

⁴² Ярослав Ярославич (в крещении Афанасий) (1220-е — нач. 1230-х гг. — 1271), князь Тверской (не позднее 1254–1271), великий князь Владимирский (1264 или 1265–1271) ден. Рюриковичей, родоначальник тверских Рюриковичей. Сын Ярослава Всеволодовича, брат Александра Ярославича Невского, Андрея Ярославича, Михаила Ярославича.

⁴³ «А се волости Новгородские: Бежиче, Городец, М[еле]чя, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Колопечерь, Тре, Перемь, Югра, Печера» (А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. СПб., 1886. С. 238–240. См. также: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., Л., 1949. № 1).

Правда, и договор не особо соблюдали. Набеги на поселения продолжались.

О русско-норвежских взаимоотношениях до XIV века мы знаем, в основном, из норвежских источников. А первый новгородский морской поход, отразившийся в летописании, упоминается под 6828 (1320) годам: «А Лоуна ходи на Мурманы, а Немци избиша ушкуи Игната Молыгина»⁴⁴. И это, пожалуй, единственный случай, когда на страницах летописи упоминается конкретный тип новгородского судна, задействованного на Севере.

В 1323 году русские, карелы и саамы не только выбили врага с северных земель, но пошли дальше на запад и сожгли дворец короля Магнуса.

В результате 3 июня 1326 года было заключено новое соглашение о мире между Новгородом и Норвегией.

Но на таком расстоянии и связь с Новгородом ослабевала. Многие двинские бояре в конце XIV века «задались» за московского князя, и в результате мятежную область пришлось возвращать новгородской рати, которая одолела москвичей, стоявших гарнизоном в Орлеце. Двинянам пришлось платить контрибуцию, а их вожаков, воевод Ивана и Конона, казнили.

Торговать с саамами было очень выгодно. Они охотно обменивали дорогую пушнину на простейшие металлические орудия труда: ножи, топоры и прочее. Новгородские чиновники, появившиеся на Терском берегу вслед за промышленниками, обложили саамов данью, требуя с каждого охотника пять беличьих шкурок в год.

Но нестабильность в регионе сохранялась — норвежцы не хотели отдавать заполярные владения, которые считали своими. В летописях описывается поход на Мурман 1419 года, когда норвежцы напали на Карельский погост, разграбили его, а потом направились к Двине, но были разбиты поморами и обращены в бегство.

Новгородское летописание, описывая столкновения с норвежцами на Севере, также различает походы «корелы» и собственно новгородские военные предприятия. Сами сообщения Новгородской летописи, как правило, очень краткие: «Ходиша Корела на Мурмане, избиша их и повоеваша, и пленившее и приидоша здоревее».

Новгородцы смогли защитить Терь и отстоять ее. В середине XV столетия были основаны первые прибрежные поселения поморов — Варзуга и Умба.

Но уже в 1478 году Новгородская республика прекратила свое существование как отдельное государство. Великий князь Московский Иван III вместе со своим войском взял город с боем в 1471 году, а через семь лет включил в состав княжества Московского, присоединив сами новгородские земли, ликвидировав раздробленность Руси.

Поселения новгородских поморов, первых русских исследователей Севера, не сохранились до нашего времени. Но в середине XV века на месте их прибрежных стоянок, о которых писали норвежцы еще в 1210 году, возникло постоянное поселение Кола — старейший российский город в Заполярье, расположенный в 10 километрах от Мурманска.

Во времена этих походов Норвегия, находившаяся в унии с Данией, уже не была самостоятельным государством. Окончательно утратил независимость и Господин Великий Новгород.

Дальнейшее освоение Арктики управлялось уже только из Москвы.

7. XIV — XV ВЕКА. БЕЛОМОРСКАЯ ГУБА. ЛОПАРСКОЕ СТАНОВИЩЕ — РУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ. ПРИРОДА, ЗАНЯТИЯ И БЫТ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

КXV веку побережье Белого моря уже было заселено русскими поселенцами, зависимыми от бояр и отчасти от монастырей. Главными приобретателями земель на севере — в Беломорье, были новгородские посадники Дмитрий Ухарь, Афонас Есипович, Марфа Борецкая и бояре Своеземцевы, Окладниковы, Селезневые, Тучины и многие другие. Наибольшей известностью пользовалась посадница Марфа Борецкая. В XV веке на одной только реке Суме ей принадлежало двадцать два поселения. Она владела частью Кемской волости и огромной вотчиной на Терском берегу. Борецкие имели обширные владения по реке Ваге, пожни и «ловы» в дельте Северной Двины. Владения Борецких в Беломорье, а Своеземцевых на Ваге были поистине необозримы.

Хронологически мы уже вплотную приблизились к непосредственной истории поселения на берегах

⁴⁴ Новгородская Четвёртая летопись. С. 49.

одного из Кольских заливов, носящего теперь название КНЯЖАЯ ГУБА.

Но прежде чем говорить об этом, ещё немного предыстории. О тех, кто обитал в этих местах до того, как возникло и само название и появились русские переселенцы. Речь пойдёт о местных обитателях — *лопарях*.

ЛОПАРИ — нередко употребляемое в литературе название восточных саамов, существующих и поныне. Это русское название коренных жителей Кольского полуострова. Очень важно, что у русских оно не имело уничижительного, унизительного значения и оттенка. Даже наоборот — положительный и уважительный — как хозяина здешних мест.

Саамы, то есть лопари, сегодня это *небольшой народ Севера Европы численностью около 31 тысячи человек*. Основная масса саамов населяет север Норвегии, Швеции и Финляндии⁴⁵. Часть саамов живет в России, на Кольском полуострове⁴⁶. Самоназвание кольских саамов — саами, саамь, саме, скандинавских — самелатс, самек.

У них никогда не было государства, но главной ценностью всегда оставалась земля, которую они почитали за живое существо. Один из самых загадочных народов Европы пережил много испытаний, но сумел сохранить уникальные традиции своих предков.

Саамский язык причисляют к финно-угорской группе, однако от своих соседей лапландцы взяли только треть всей лексики. Многое в их речи не имеет связей ни со шведским, ни с норвежским, ни с русским. Эту часть, а также невысокий рост саамы взяли от пришельцев с востока. Тысячи лет назад сюда из-за Печоры переселились охотники и рыболовы. Они мигрировали вслед за оленьими стадами, которые были основой их жизни, и встретили финские племена. Возможно, в то время в скандинавских землях был мягче климат.

Смешавшись и растворившись друг в друге, они дали начало новому этносу. Через какое-то время саамы приручили оленей и обрели традиционный уклад, не менявшийся в течение последующих веков и больше напоминавший быт кочевых сибирских народов, чем обычаи наступавших с юга скандинавов.

Когда-то лапландцам принадлежал почти весь Скандинавский полуостров. Перемены начались в IX веке, когда южные соседи — норвежцы, шведы, финны — заинтересовались выгодой, которую можно было бы получить с них. Ярлы требовали пушнину и рыбу, крестьяне хотели получить землю. Брали дань и русские бояре, сидевшие в Новгороде. Саамов оттесняли все дальше на север. Кочующие за оленями семьи нередко были вынуждены платить сразу нескольким государствам, по чьим землям пролегал их путь.

Несмотря на зависимое положение и разрозненность, лапландцы в глазах соседей не выглядели жертвами. Более того, их побаивались. Саамы долго сохраняли самобытные традиции шаманизма.

Доктор исторических наук Руслан Григорьевич Скрынников в книге «Иван Грозный»⁴⁷ рассказал о таинственной встрече царя Иоанна Грозного с лапландскими магами. Почувствовав ухудшение здоровья, государь искал всевозможные способы продлить свою жизнь. Он не только с покаянием участвовал в таинствах православной церкви, но и велел разыскивать лекарей и знахарей, способных ему помочь.

И вспомнились Иоанну Грозному таинственные рассказы о чародеях и ведьмах с Севера. В ту пору, в начале 1584 года, на небе была отчетливо видна комета, отличавшаяся крестообразным свечением. Царь приказал доставить к нему лапландских шаманов. Это повеление было исполнено с рвением: около 60 саамов привезли в Москву накануне Крещения.

Прибывшие устроили коллективное камлание, результат которого оказался неутешительным. Шаманы не стали обманывать царя, сообщили ему о неизбежной кончине. И даже назвали точную дату⁴⁸.

Западное христианство укрепилось в лопарских шатрах только к XVI веку. Власти строили церкви в их землях, приезжали проповедники. Одним из самых известных стал лютеранский пастор Ларс Леви Лестадиус⁴⁹. Он не только хорошо владел диалек-

⁴⁵ Свыше 29 тыс. человек.

⁴⁶ 1,9 тыс. человек.

⁴⁷ Москва, 1975 год издания.

⁴⁸ 18 марта 1584 года.

⁴⁹ Шведский проповедник (1800-1861), основатель лестадианства, ривайвелистского движения возрождения христианской этики и морали, одного из пиетистских направлений в лютеранстве.

том саамского, но и связал жизнь с лапландкой.

На Кольском полуострове обращением в православие занимались насельники Печенгского монастыря. Но ни православным, ни католикам, ни лютеранам не удалось полностью изжить язычество у лопарей.

В конце XIX века саамов попытались ассимилировать. Практически все государства, на чьих территориях проживали олениводы. Но если в княжестве Финляндском эти меры носили щадящий характер, то норвежцы подошли к делу основательнее. По новому закону все землевладельцы должны были владеть норвежским языком и иметь норвежское имя. При этом к лопарям там по-прежнему относились как к людям второго сорта. Их продолжали унижать путём обмана и спаивания.

В Швеции также развивали языковое превосходство. Саамских детей под предлогом необходимого образования забирали в интернаты, где жестким способом приучали к государственному языку и культуре. При этом лапландцам долгое время отказывали в праве на высшее образование, считая неспособными к чему-то иному, кроме традиционных занятий.

В Российской империи саамам позволяли вести привычный образ жизни. Пришедшая на полуостров советская власть попыталась принудить их к оседлости и внедрить коллективизацию⁵⁰.

Вот такие коренные жители обитали по берегам залива, который уже совсем скоро назовут **Княжьей Губой**. Расположен залив на Кольском полуострове между деревней Ковда и Кандалакшей, или, как называли её местные жители, Кандалахти. От Княжьей Губы до Ковды чуть больше 30 км. Первые упоминания о Ковде тоже относятся к XV веку, а потому о ней можно рассказать чуть позже.

8. ШВЕДСКАЯ ЭКСПАНСИЯ.

1496 ГОД — БОЛЬШОЕ СРАЖЕНИЕ ПРИ ГУБЕ МЕЖДУ КОВДОЙ И КАНДАЛАКШЕЙ

Весьма интересно, но название «Княжая Губа» могло навсегда остаться загадкой, если бы не сочинение голландского купца Симона ван Салингена «О земле Лопии», написанное на основе пу-

тевых заметок, которые он делал, путешествуя по северу России.

Документ о происхождении названия Княжьей Губы обнаружил историк И. Ф. Ушаков⁵¹. Это и были записки голландского поморского купца Салингена.

Старожилы и основатель Кандалакшского монастыря Феодорит⁵² рассказывали ему, что шведы однажды явились «с 300 парусными судами, большими и малыми, яхтами и кораблями и стали в Немецком становище на острове Кузове...».

Спустя некоторое время они двинулись вдоль побережья, подвергая селения огню и мечу. Однако разбойничий набег иноземцев на этот раз удалось быстро пресечь: они вынуждены были дать «большое сражение при губе, которая лежит в заливе между Ковдой и Кандалакшей, где были жестоко разбиты русскими князьями, отчего эта бухта и получила название Княжьей Губы».

Разгром встретившегося противника, захват его «бус» (кораблей), пленение воинов — все это, бесспорно, способствовало утверждению русского влияния, но далеко не обеспечивало его.

Но о морской победе русского флота на Белом море напоминает географическое название залива «Губа Княжая» на юге Мурманской области.

Немного о сути названия. Во времена Новгородской феодальной республики князьям запрещалось приобретать земли в северных волостях, а после перехода новгородских владений к Москве в 1478 году все земли в Поморье, кроме монастырских, считались великокняжескими, и название «Княжая» по отношению к одному месту не могло просто так возникнуть.

Московское государство унаследовало от бывшей вечевой республики протяжённую границу со Швецией. Границы между Великим Новгородом и

⁵¹ Иван Фёдорович Ушаков (1921— 2002) — российский историк и педагог. Доктор исторических наук, профессор Мурманского государственного педагогического института (университета), действительный член Российской академии педагогических и социальных наук (1996). Почётный гражданин города-героя Мурманска.

⁵² Феодорит Кольский (ок.1481— 1571) — архимандрит Русской церкви, просветитель лопарей. Прославлен в лике преподобных. Первый составитель письменности для саамов и первый переводчик богослужебных текстов на саамский язык. Почитается в соборе Кольских, Вологодских, Соловецких, Новгородских святых.

⁵⁰ В конце 30-х их обвинили в стремлении отделиться от СССР и объединиться с финнами.

Швецией были установлены Ореховским миром от 12 августа 1323 года.

Граница проходила от Финского залива по реке Сестре, на севере до озера Сайма и затем на северо-западе до берега Ботнического залива.

Присоединение Новгородской земли в 1478 году сдвинуло границы Московского государства и на северо-запад, в результате чего непосредственным соседом на этом направлении стала Ливония. Пограничная война Ливонского ордена и Пскова, которая шла с перерывами ещё с 1469 года, в конечном итоге вылилась в открытое столкновение Москвы с Ливонией.

Правительство Ивана III решало тогда важную политическую задачу — утверждало свои права на бывшие новгородские владения в Финляндии и Карелии. После присоединения Карелии к Московскому княжеству (1478 год) в Восточной Европе фактически возникло единое Российское государство, которое, сбросив монголо-татарское иго (1480 год), повело борьбу за возвращение отторгнутых Литвой и Швецией территорий.

Каянская земля⁵³ в XIII—XIV веках находилась под властью Великого Новгорода и была хорошо известна русским, но в XV веке здесь стали господствовать шведы. «Каянами» наши предки называли финноязычные племена, живущие за северной границей Водской пятины, рядом с корелами.

Во время войн Москвы с Новгородом шведы попытались укрепить свою власть в Карелии, постоянно провоцируя столкновения на границе. После того как земли Великого Новгорода отошли под руку великого князя Московского, Иван Великий не мог сразу остановить шведскую экспансию на бывшие новгородские земли. Надо было решать более серьёзные проблемы — конфликты с Большой Ордой, Казанью и Литвой. В течение трёх лет с 1479 по 1482 год на русско-шведской границе шла необъявленная война, которая несколько затихла после упрочения позиций Москвы на севере и северо-западе. Именно это имеет в виду

⁵³ Каянская земля — в русских источниках XV—XVI веков область, прилегавшая к Ботническому заливу, к северной границе Водской пятины, к поселениям корел и к Северному Ледовитому океану. В восточной части была населена лопарями, а в западной — шведами, в акте 1580 года назывались «немецкими свискими людьми». Север современной Швеции и Финляндии.

персонаж Феофан — дьяк посольского приказа в фильме Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», когда говорит: «— Да как же это нет, кормилец?! Шведы прямо заедают...»

1 сентября 1481 года в Новгороде было подписано соглашение о 10-летнем перемирии с Ливонским орденом.

Взяв в свои руки новгородские земли, Иван Великий, как рачительный хозяин, принял в свое ведение и проблемы этой области. Он задумал вернуть в состав Русской земли карельские погосты Яскы (Яскис), Огреба (Эйрепя) и Севилакша (Саволак), которые были захвачены Швецией в начале XIV столетия. Кроме того, великий государь хотел захватить Выборг — мощную крепость, построенную шведами в 1293 году на земле племени корела, союзника Великого Новгорода (на месте крепости ранее располагалось укрепление корел). В середине XV столетия наместник шведского короля Карл Кнутссон Бунде перестроил крепость, значительно её усилив, по периметру острова была возведена внешняя стена⁵⁴.

Весной 1490 года шведские власти схватили «много русских», по словам местного правителя, «под предлогом торговли» нарушавших границу и ловивших «лососей в северной части Ботнического залива... не только на восточном... но и на шведском берегу до Биюреклуббе»⁵⁵.

В двух милях от Улео⁵⁶ шведы «назначили место, за которое русские не должны были переходить». По приказанию королевского наместника Ганса Андерсена 20 русских за переход границы были повешены, а «остальные убежали к Белому морю». Власти Швеции призвали население Финляндии «восстать против России». Шведы заняли восточную Финляндию и часть Карелии. В Белое море вошла военная эскадра, избравшая для базирования один из Кузовых островов⁵⁷.

Иван III тоже подготовил военную кампанию против Швеции. На северо-западном рубеже в 1492 году построили крепость, названную в честь Ивана Великого — Ивангородом. Крепость возвели в кратчайшие сроки на берегу реки Нарова

⁵⁴ Т. н. «нижний двор».

⁵⁵ Скала на западном берегу Ботнического залива в приходе Шеллефтео.

⁵⁶ Позднее — Улеаборг, ныне — Оулу; древнерусское — Овлуй.

⁵⁷ «Немецкий Кузов».

— всего за 7 недель. Крепость хотели ещё более усилить, но не успели⁵⁸.

Затем, в 1493 году, московский государь заключил союз с датским королём Иоганном (Гансом). Датский владыка планировал стать шведским королём.

А ещё в ходе военных реформ была усилена артиллерия русской армии.

Весной 1495 года московские послы предъявили владыке Швеции Стену Стуре (Старшему) требование о возврате Западной Карелии. Стокгольм отверг это предложение.

Тогда в июне 1495 года передовой русский отряд в четыре сотни воинов перешёл шведскую границу, чтобы провести разведку. А в августе большая московская рать⁵⁹ двинулась на Выборг. В состав московских полков воеводы Даниила Васильевича Щени⁶⁰ входили: новгородская рать Якова Захарьича Кошкина, псковские войска князя Василия Фёдоровича Шуйского. Трёхмесячная осада Выборга началась 8 сентября. Но взять крепость не удалось. 4 декабря 1495 года осаду крепости сняли. Войско отошло к Новгороду.

Царские воеводы отказались от плана осады хорошо укрепленной крепости и перешли к разорению территории противника. Русские отряды всё дальше проникали на территорию Шведского королевства.

17 января 1496 года в поход выступило войско под командованием Василия Ивановича Косого Патрикеева и Андрея Фёдоровича Челяднина. Русская рать в Южной Финляндии достигла побережья Ботнического залива и разорила Тавастгусту. Русские отряды опустошили область Улуфсборга и отошли назад, сильно разорив край и уведя с собой большой полон.

В августе 1496 года войска под командованием Даниила Щени и Якова Кошкина опять перешли границу и разгромили 7-тысячный шведский отряд.

И, наконец, организован и совершён морской поход с целью атаковать шведские земли. Русскую флотилию возглавили князья братья **Иван и Пётр**

Ушатые. Морская рать была сформирована из опытных в морском деле устюжан, двинян, онежан и ваян.

Присоединив Новгород в 1478 году, Москва получила в свое распоряжение флот, состоявший из малых судов, приспособленных для плавания по рекам и прибрежного морского плавания, а также умелых и опытных моряков — новгородцев. Их опыта и знаний было достаточно, чтобы в июне 1496 года провести «судовую рать» Ивана III во главе с воеводами Иваном и Петром Ушатыми в Каляскую землю.

Каким же образом был организован этот крупный поход новгородцев?

Ввиду отсутствия в то время на Белом море какого-либо постоянного войска или государева флота князьям пришлось выступить против шведов на свои средства. Они собрали четыре рати и снабдили людей судами и оружием.

К походу 1496 года, безусловно, проводилась масштабная подготовка. Требовалось мобилизовать частные суда, на которых жители ходили на промыслы и торги, — лады, насады, карбасы, приспособить и оснастить их для дальнего пути и боевых действий на море, притом в таком количестве, чтобы флотилия могла успешно противостоять соединенным шведско-норвежским силам, состоявшим из трехсот парусников. Необходимо было собрать с обширных пространств малолюдного Севера войско — на Двине, Ваге, Устюге и в Перми, вооружить, снабдить продовольствием и всяким снаряжением, обучить ополченцев владению оружием. Все это требовало определенного времени, немалых материальных затрат и многообразной организаторской деятельности руководителей похода. Цель похода была предельно проста: изгнать шведов с территорий, принадлежавших прежде Великому Новгороду.

К этому времени шведские суда базировались на Немецком Кузове, где, по сообщению Салингена, неприятель имел «старый замок, ими построенный». Пройдя на судах по Белому и Баренцеву морям, русская рать обогнула «Мурманский нос» на Кольском полуострове и вторглась в шведские владения.

Норвежские фиорды далеко врезаются вглубь континента. Верховья текущих в Балтику шведских рек отделяют от океана всего десятки верст. На этом, видимо, и строилась стратегия «судовой рати» Ушатых.

⁵⁸ Стены и башни Большого Бояршего города построили уже после Русско-шведской войны 1495—1497 гг.

⁵⁹ По шведским данным, до 60 тысяч.

⁶⁰ Участвовал в столкновениях с Казанским ханством, Литвой.

Противник совершенно не ожидал удара в этом районе. Русские беспрепятственно ушли с добычей, показав шведам уязвимость их тыла. Русские прошли на веслах вдоль всего балтийского побережья Финляндии.

Затем русская флотилия заняла позицию где-то недалеко от «Немецкого становища», на одном из Кузовских островов. Скорее всего, это был «сосед» Немецкого острова, ныне именующийся Русский Кузов... Новгородцы следили за передвижением шведских судов и, наконец, настигли неприятеля в заливе между Ковдой и Кандалакшей. Князь Ушатые воспользовались тогда ненастьем: на море стоял «такой дождь, туман и мрак, что шведы и норвежцы стали почти как слепые». Остатки разбитого флота ушли на Кузова, где засели в своём укреплении. Когда у скандинавов закончился провиант, они были вынуждены подписать с новгородцами мирный договор; «с того времени Карелия мирно пребывала за великими князьями...» — завершает свой рассказ Салинген.

В Княжой Губе, получившей название в честь этого сражения, русские захватили три шведских судна и, пройдя через Лапландию, разорили Северную Финляндию. В Вологодско-Пермской летописи, относящейся к 1496 году, имеется следующая запись: «...того же лета, июня, посылал князь Иван Васильевич воевод своих князей Ушатых, Ивана Бородатого да Петра за море Немец воевати Каян, а с ними силы: Устюжане, Пермичи, Двиняне, Важене. И повоеваша землю ту, и взята три бусы со всем на море, и полону приведоша, и приидоша воеводы великого князя поздорову со всеми силами октября».

Разгром внушительных сил неприятеля казался чудом, и поморы уверились, что захватчиков покарал Бог: «Он ниспослал на них такой дождь, туман и мрак, что они стали почти как слепые», однако как только было достигнуто соглашение, что пришельцы «уплывут на своих судах обратно... небо прояснилось...»

Цитируемый документ является записью Салингена со слов местных жителей, тем не менее он приоткрывает одну из самых давних князегубских страниц. Тем более, что нашлось этому событию и летописное подтверждение.

Русское войско ушло из тех земель только после того, как финские старейшины от имени финнов, живших на реке Лиминге, стали просить москов-

ского государя принять их в своё подданство. В октябре 1496 года «судовая рать» князей Ушатых Петра и Ивана Бородатого с победой вернулась на Русь. Часть их пути, а он превысил более 4000 км — вокруг Кольского полуострова, мимо Нарвика и сквозь север Швеции с Финляндией, — проходила за Полярным кругом.

Шведы не смогли ответить большим походом на русские земли, но организовали рейд. 19 августа 1496 года 70 шведских судов подошли к Ивангороду⁶¹. 3 марта 1497 года между Русским государством и Швецией было заключено перемирие с сохранением старых границ. Срок распространялся на 6-летний период. Но мир оказался более долговечным: в марте 1510 года в Новгороде заключили договор о продлении Ореховского мира ещё на 60 лет, а затем мир продлили в 1524 и 1536 годах.

Карелия надолго обрела мир. Население Каянии по реке Лиминге «биша челом за великого князя», то есть просило о принятии его в российское подданство. Следующая Русско-шведская война началась только в 1554 году.

* * *

Село Княжая Губа имеет древнюю историю. В 1574 году оно насчитывало 11 дворов и служило опорным пунктом (дозор-заставом). Люди, проживающие в нём, в силу возможностей контролировали водные пути — как морские, так и внутренние от набегов иноземцев, что в то время не было редкостью.

Как уже упоминалось — документ о происхождении названия Княжой Губы обнаружен историком Иваном Фёдоровичем Ушаковым в записках голландского купца Салингена.

В 1566—1568 годах Салинген занимался торговлей в Поморье. Кандалакшские старожилы и основатель Кандалакшского монастыря Феодорит рассказывали ему, что шведы и норвежцы не раз пытались утвердиться в Карелии.

Однако они вынуждены были дать «большое сражение при губе, которая лежит в заливе между Ковдой и Кандалакшей, где были жестоко разбиты русскими князьями.

⁶¹ Высадили 6 тыс. отряд под командованием Стена Стуре.

Разгром настигнутого противника, захват его «бус», пленение воинов — все это, бесспорно, способствовало утверждению русского влияния.

Несмотря на то что в летописи отсутствует название места сражения, речь в ней идет о каянских немцах⁶², которым, согласно челобитной соловецкого игумена царю⁶³, для нападения на Русь «опричь Кеми да Ковды реки... иного судового пути нет». Следовательно, каяне в очередной раз, скорей всего, по реке Кеми проникли в Поморье.

Наличие на острове Кузове Немецкого становища подтверждает, что их набеги были далеко не эпизодичны. Новый хозяин — Москва, наводя в своих владениях должный порядок, не могла терпеть разбоя иноземцев и направила свою эскадру в наиболее вероятный район действий противника, а именно в Кемь—Кандалакшу. О других подобных военных экспедициях, к тому же возглавляемых князьями, неизвестно.

Таким образом, можно утверждать, что летопись 1496 года и сообщение, записанное Салингеном, относятся к одному и тому же походу, предпринятому для защиты Русского Поморья от притязаний иноземцев.

Одновременно с морским походом в Каянскую землю, в том же 1496 году, с Двины в Данию отправилась с посольством Григория Истома флотилия из четырех судов, которая, обогнув Кольский полуостров и Мурманский Нос, дошла до Тронхейма, откуда посольство продолжило путь по суше.

Поход князей Ушатых в 1496 году не являлся грабительским набегом. Как видно из летописного сообщения, победители взяли в бою морские суда и пленных, но ни словом не упомянуто о захвате какой-либо добычи — чужого добра.

Князья **Ушатые** (Жеряпины, Жеряпины-Ушатые) — княжеский род, Рюриковичи, происходят от Ярославских князей⁶⁴.

Род внесён в Бархатную книгу. Князья Ушатые принадлежали к верхнему слою княжеской аристократии, поскольку, кроме вотчин в Ярославском

⁶² «Немец» означало «иноземец»; «каяне» — финны.

⁶³ 1591 года.

⁶⁴ Князья Ушатые владели землями в Ярославском уезде, с конца XV—начале XVI века поместьями в Новгородских пятинах, но после смерти владельцев, не имевших потомства, земли перешли к другим. Имели тесные связи с Троице-Сергиевым монастырём.

уезде, разрядных назначений, их представители имели чин — окольничий⁶⁵.

Историк А.А. Зимин полагал, что успехам князей Ушатых способствовали родственные связи с боярской фамилией Кошкиных, на дочери которого был женат родоначальник⁶⁶.

Князья Ушатые находились на службе у Московских князей. У родоначальника было шесть сыновей: Василий, Константин, Иван Большой по прозвищу Ляпун, Иван Меньшой по прозвищу Бородатый, Юрий и Пётр. Они служили Ивану III⁶⁷.

Для обеспечения русского влияния в этих землях требовались силы, расположенные в наиболее важных пунктах. А посему Княжой и Ковде, как и Кандалакше, в тех условиях самой природой было суждено стать такими опорными пунктами, ибо они вполне годились для контроля водных путей — как морских, так и внутренних.

Трехсотверстный путь по Ниве — Имандре — Коле служил в основном транспортным целям, а ковдозерская и кемская водные системы, помимо торгового, имели и немалое военное значение.

А коль набеги совершались — предпринимались и меры оборонительные. Вот что, в частности, писал об этом архимандрит Досифей: «Двинским и Кольским воеводам, равно и Соловецкому монастырю, частыми указами подтверждаемо было наблюдать строгую осторожность от нечаянных нападений и производить беспрестанные разъезды по берегам Белого моря и по границе с Финляндией, даже приказным соловецким старцам, находившимся для управления вотчинных дел во

⁶⁵ С середины XVI века, то есть в эпоху Ивана Грозного, так стали называть второй по значимости чин в Боярской думе после боярина. Окольничий мог возглавлять приказ, а также командовать полком. Состояли они и на дипломатической службе.

⁶⁶ Родоначальник — Фёдор Иванович Ушатый (XVII колена от Рюрика), третий сын князя Ивана Михайловича Моложского, внук Михаила Давыдовича, первого Моложского князя. Фёдор — младший брат князей Андрея и Глеба Ивановича Шумаровских. Уже их отец Иван при разделе наследства Михаила Давыдовича не получил удела, поэтому владетельными князьями Ушатые не были, прозвище их не связано с отчиной.

⁶⁷ Внук основателя рода Василий Васильевич имел прозвище Чулок, откуда фамилия Чулковы нескольких его потомков. Род полностью пресёкся в XXII колена от Рюрика.

всех волостях, особенно заведено было иметь всегдашние наблюдения за пограничными местами и доносить немедленно о всяких известиях непосредственно государю и архангельским воеводам через нарочных гонцов».

Упоминание о «всегдашнем наблюдении» есть и в цитированной выше челобитной игумена — «по той Кемь-реки от прихода немецких воинских людей и зимой, и летом из монастыря... заставы и сторожа живут беспрестанно».

По-видимому, подобным образом поступал и Кандалакшский монастырь, а до него и местные власти.

Таким образом, в конце XV начале XVI века Княжая Губа становится «дозорной заставой» или, говоря нынешним языком, пограничной.

Говоря словами Досифея: «сии беспокойства в Поморье» продолжались до сокрушения Петром I «враждебно державы Шведской», тогда как начало «беспокойств», по всей вероятности, относится еще ко времени боярских походов и освоения территорий. До нас же, кроме летописи 1496 года, дошли лишь скудные сведения периода монастырского освоения.

Так, известно, что в 1579 году подверглась шведскому нападению Кемская волость. А в 1589 году из местечка Каяны (территория Финляндии), которая в то время находилась под властью шведов, по ковдозерской водной системе шведы двинулись на Княжую Губу и другие поморские селения. В писцовой книге Алая Михалкова имеется следующая запись: «В волости Кандолокша погостишко Княжая Губа, а на погосте место церковное Никола Чюдотворца, а церковь сожгли свейские немцы... Да на погосте ж дворы черные не пашенные над ручьем... 7 дворов, а людей в них 15 человек да два двора пустых...»

Сделана эта запись лет восемнадцать–двадцать спустя после этого набега шведов. Из дальнейшего явствует, что в Княжой Губе имелось 11 дворов, после же нашествия осталось не более четырех.

В 1591 и 1592 годах последовали новые нападения. Предводитель первого из них, похваляясь своими «подвигами», доносил, что все встретившиеся русские селения они «сожгли до основания», уничтожили и солеварни, и запасы дров, и полные амбары соли, разорили «рыбные ловли (семги) по всему Белому морю докудова... доходили».

О втором походе в «Летописце Соловецком» сказано: «...Финляндцы и заморские немцы (шве-

ды) ...опустошили все поморские волости, как государевы, так и монастырю принадлежащие». Не исключено, что поселение, получившее впоследствии название Княжая Губа, уже служило одним из опорных пунктов (дозор-застав) и победа князей в 1496 году явилась не случайным эпизодом, а заблаговременно подготовленной акцией.

Первое упоминание о Княжой Губе имеется в писцовой книге Алая Михалкова. Это приведённый выше отрывок. «А запустели в том Княжегубском погостишке те дворы от немецкой войны от 98 (1590) году, как воевали свейские немцы волость Кандолокшу. ...Набеги делали как финны, так и шведы, которые... опустошали все поморские волости, как государевы, так и монастырю (Соловецкому) принадлежащие».

В 1574 году дозор-застава насчитывала 11 дворов. Здесь было развито судостроение: ладьи, заморские и беломорские, кочи, осиновки, тройники. Ещё в книге П. Богословского «О купеческом судостроении в России», изданной в середине прошлого века, Княжая Губа названа в числе судостроителей. И в ней проживало большое количество мастеров этого дела.

Важным занятием княжегубцы считали рыболовство. А для сохранности рыбы лучший способ в здешних условиях — засолка. Здесь же на Белом море стали возникать солеварни.

В Княжой Губе основал свое подворье с солеварней Кандалакшский монастырь.

Жители Княжой Губы занимались рыболовством — ловили морскую рыбу: сельдь, семгу; зверобойным промыслом — в небольшом количестве заготавливали морского зверя; судостроением. Многие держали домашних животных, оленей. Вели заготовку ягод, грибов, а также дров. Ещё промышленно заготавливали иван-чай. Царскому столу поставляли сельдь, морошку, сёмгу, иван-чай. Всё шло по морю.

9. XV—XVI ВЕКА. ОСНОВАНИЕ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ НА МУРМАНЕ.

1532 ГОД — ПРИХОД НОВГОРОДСКИХ СВЯЩЕННИКОВ И МАСТЕРОВЫХ

В XV веке на островах Белого моря появился Соловецкий монастырь. Он занял земли и на

Терском берегу. Соловецкий монастырь основан монахами Зосимой и Германом в 1436 году в землях Новгородской республики. Первое монашеское поселение на островах появилось несколько раньше — в 1429 году. Основатели — Герман и Савватий⁶⁸.

Основание Кандалакшского и Печенгского монастырей (1553-1554)

Кандалакшский в честь Рождества Пресвятой Богородицы — упразднённый мужской монастырь на берегу реки⁶⁹ Нивы⁷⁰, на северо-западном побережье Белого моря, у морского залива, названного по имени реки Канды, существовал с 1548 по 1742 год.

Местные народности, лопари и корела, называли залив Кандалахти — «Кандский залив», русские поселенцы — Кандалакшская губа.

По церковному преданию, монастырь основан преподобным Феодоритом Кольским, вероятно, в середине XVI века. Софийская летопись под 1526 год сообщает: «Приехал к Москве лопляне с моря Окияна, из Кандалакшской губы, усть Нивы реки, из дикой лопи и били челом государю и просили антими́нса и священников церковь свящати, и просветити их святым крещением, и государь велел архиепископу Макарию послати из Новагорода от соборных церкви священника и диакона, и они ехавши свящали церковь Рождества Иоанна Предтечи и многих лоплян крестиша»⁷¹.

Возведение храма близ устья реки Нивы побудило русских крестьян и промышленников основать поселение Кандалакша, что дало начало возникновению русской волости.

Место Кандалакша известно с давних времен как поселение корелы. В период новгородского владения новгородцы собирали дань «мягкой рухлядью» с аборигенов края — саамов (лопарей).

Кандалакшский монастырь считается наследником более древнего, так называемого Кокуева, монастыря, появившегося, возможно, в результате миссионерской деятельности преподобного Евфи-

⁶⁸ Первыми на Соловки пришли Герман и Савватий.

⁶⁹ Ныне в черте города Кандалакша (Мурманская область).

⁷⁰ Нива — река на Кольском полуострове в Мурманской области России. Вытекает из озера Имандра, впадает в Кандалакшский залив Белого моря.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 289.

мия Корельского⁷² на побережье Белого моря и на Кольском Севере.

Освоение русскими побережья Белого моря распространялось с востока на запад. Восточные берега рек изначально назывались «двинскими» и относились к Новгороду. Наличие русского монастыря в Кандалакше играло важную роль в утверждении Российской державы на северных рубежах.

Кандалакшский монастырь основал в Княжьей Губе свое подворье с солеварней.

Как уже говорили, до прихода русских на Кольский Север основным населением являлись коренные жители полуострова — саамы (лопари). Согласно терминологии XVII века, они делились на 3 группы: Кончанскую, Терскую и Лешую лопь. Эти крупные территориальные объединения саамов подразделялись на погосты и волости — численностью в XVII веке достигших 27⁷³. Первые русские поселения на Кольском полуострове стали возникать в начале XV века. Первыми — поморские волости на Терском берегу (Умба и Варзуга), а в начале XVI века появляются и поселения на Кандалакшском берегу Белого моря: Порья Губа, Кандалакша, Княжая Губа, Ковда, Кереть.

Кольский полуостров целиком и отдельные его территории в период конца XV-XVI веков находился в центре политических и дипломатических конфликтов в связи с притязаниями на эти земли, помимо России, ещё Дании и Швеции. Некоторые саамские погосты относились к числу двоеданных, то есть правом взимания дани с этих земель обладали представители не только Московского государства, но и его соседей по Северной Европе.

* * *

Одной из центральных фигур в структуре управления Кольским полуостровом в этот период был даньщик. Даньщики — это чиновники низового аппарата Московского государства, они известны для ряда волостей Кольского Севера — Кандалакши, Керети и Ковды. Из не так давно опубликованных грамот Василия III, адресованных кольским даньщикам, датированных 1517 годом, становится ясным, что, помимо сбора дани, они занимались и

⁷² († после 1492?)

⁷³ На территории Кольского п-ова 15 погостов.

отправлением правосудия, взимая штрафы с местного лопарского населения за совершенные преступления.

Помимо создания постоянных поселений и администрации, освоение Кольского Севера включало в себя и миссионерскую деятельность. Первыми сюда пришли крупные Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри, а затем и более удалённые.

Опять же, вошедшая в историографию начала XX века терминология как «монастырская колонизация» Кольского Севера — тоже искажает подлинное содержание процесса. И дело не только в том, что монастыри, за исключением местного Троицкого Печенгского, «приходили» уже в освоенные ранее места — русские волости и саамские погосты, но и в том, что монастыри на Кольском полуострове стали частью поселений русских и саамских.

Одновременно с этим происходит и возникновение местных монастырей. Видимо, это было связано в какой-то степени и с процессом христианизации саамского населения края. Русские летописи XVI века подтверждают, что сами лопари добровольно обращались к высшим светским и духовным иерархам Московского государства с просьбой об учреждении церкви.

О времени возникновения нескольких местных монастырей, действовавших на побережье Баренцева моря, точных данных нет. Предположительно, в середине — второй половине XVI века здесь действовали три монастыря: Троицкий Печенгский, Троицкий Кольский и Петропавловский Кольский.

В 1532 году из Новгорода на Мурман были посланы священники и плотники. Первые занялись крещением саамов, а вторые строили церкви. Летопись говорит о постройках двух церквей, но не сообщает, где они поставлены.

В середине XVI века возникли Кандалакшский и, ранее 1553 года, Печенгский монастыри (основанные к 1554 году).

Ранее других возник Троицкий Печенгский монастырь, основателем которого выступил Кольский святой Трифон Печенгский. Первоначально, судя по данным различных источников, монастырь располагался при впадении в реку Печенгу речки Манны. Затем святой построил пустынь в устье

реки Печенги, где были возведены две церкви: Успения и святых Зосимы и Савватия Соловецких.

Влияние монастырей распространялось на всех проживающих коренных жителей земли Кольской. Они же владели земельными и водными наделами. Так, у Кандалакшского монастыря угодья простирались между Ковдозером и Колвицей. Деятельность монастыря была направлена на активное освоение необжитых районов Кольского Севера, развитие различных промыслов и производств. Монастыри являлись центрами распространения христианства, а также проводниками просвещения. В них создавались летописи, рукописные книги, велись записи рождения, крещения и смерти народов окрестных мест.

Основанный святым Феодоритом Кольским Троицкий монастырь упоминается только в «Повести о Феодорите», входящей в состав «Истории о великом князе Московском» А.М. Курбского.

Петропавловский монастырь, предположительно, возник после 1565 года.

Чуть ранее Петропавловского строится **монастырь в Кандалакше**, носящий имя Пречистой Богородицы. Как уже отмечалось, высказывались мнения о раннем периоде формирования монастыря, относящегося ко второй половине 1520-х годов.

Монастырь был основан на восточном (левом) берегу реки Нивы — в том месте, который исторически конца XVI-XVIII веков именуют «наволоком». И сейчас на современных картах и в номенклатуре географических словарей этот берег носит название «монастырского наволока».

Первоначально левый берег реки Нивы не был заселен, здесь находились только хозяйственные постройки монастыря и две монастырские церкви: Рождества Пречистой Богородицы и Николы Чудотворца.

* * *

На деле монастыри служили не только проповедниками православия и носителями идеологии, объединяющей народы. Накапливая богатства, они создавали экономическую базу для освоения дальних земель. Так, например, Соловецкий монастырь за каких-нибудь сто—сто пятьдесят лет стал обладателем территории протяжённостью свыше тысячи вёрст, включая участки в волостях

Варзужской, Умбской, Порьегубской Керетской, Ковдской.

Владения Печенгского монастыря протянулись от Печенги до Рынды. Монастырь имел рыбные места ловли и сенные покосы на Канде и Ковде, в губах Порьей и Поякондской, на озере Верховском и Ковдозере. До Ковдозера и до Колвицы простирались угодья Кандалакшского монастыря.

Монастыри, помимо распространения православной веры — своей главной задачи, были основой экономической и политической государственной стабильности, отчасти являясь заменой современных банков и страховых обществ. Да ещё и носителями государственной идеологии. Именно поэтому борьбе с ними у соперничающих государств уделялось особое значение.

В Княжьей Губе православие установилось с возникновением Кандалакшского монастыря в XVI веке. Тщанием прихожан возведена церковь, в ней служили священники.

* * *

Печенгский монастырь был основан преподобным Трифоном Печенгским в 1533 году. Устроенная им обитель неподалеку от промыслового места — реки Нама-Йоки стала главным распространителем и оплотом христианства на Западном Мурмане. Грамотой Ивана Грозного, помеченной ноябрем 1556 года, Печенгскому монастырю были пожалованы окрестные земли, леса и морское побережье.

Деятельность монастырей способствовала укреплению русского влияния на Севере в XV-XVI веках. Активное освоение необжитых районов, развитие промыслов, ремёсел и производств: рыбного, судостроительного, сукновального, железоделательного, молочного животноводства и огородничества.

В монастырском сотрудничестве из представителей разных регионов возникали условия для обмена трудовым и хозяйственным опытом. Коллективная заинтересованность способствовала рационализации труда, более высокой производительности. Сотни монастырских трудников осваивали специальности, приобщаясь к ремёслам. Обучались и десятки мальчиков, отдаваемых несостоятельными родителями в монастырское учение.

Способствовала монастырская деятельность и развитию медицины. О чём свидетельствует наличие больницы на Соловках — в двух каменных

зданиях — одно из которых предназначалось для лечения мирян. А «зелие лечебное» уже в XVI веке продавалось, наподобие нынешних аптек.

И, конечно, прежде всего были монастыри и распространителями просвещения. Здесь хранились, читались и даже создавались книги, хотя и рукописные. Писались летописи. Известно, что при Соловецком монастыре уже в 1574 году существовало училище, в котором за плату дети обучались грамоте. При Кандалакшском монастыре имела школа, где обучалось до 18 мальчиков.

Для читателей старших поколений, знакомых в основном с атеистической советской историей, эти строки могут показаться лукавством. Однако эту информацию можно легко проверить, взяв книгу Николая Петровича Береснева «Княжья Губа», изданную в 1987 году, и убедиться — всё это было уже написано в самое «советское время».

Да, пора сказать уже правду — монастыри были единственными очагами просвещения и экономической стабильности. Пока их не начали лишать самостоятельности, начиная с XVIII века, чему предшествовали церковные реформы. Но эта тема отдельная.

Среди монастырских насельников встречались высокообразованные люди. К примеру, основатель Кандалакшского монастыря Феодорит, по словам уже известного нам купца Салингена: «Слыл за русского философа. ...Написал историю Карелии и Лапландии...» И даже пробовал изобрести письмена для карельского языка!

Обнесённые мощными каменными стенами, имея солидные запасы продовольствия и порой большой состав насельников и трудников, монастыри играли и немаловажное оборонное значение не только в освоении Севера, но и в истории России.

Всё это стало реальной действующей основой для освоения русскими Севера.

10. 1574 ГОД — ПОГОСТ-ДОЗОРЗАСТАВА КНЯЖЬЯ ГУБА

История деревни Ковда неразрывно связана с историей Княжьей Губы. Старинное северное село Ковда — одно из самых больших поселений на Белом море. Первые записи о Ковдской волости относятся к 1500-м годам. Ковда отмечена на кар-

тах XV века. Из занятий жителей Ковды, как и Княжой Губы: первое дело — строили лодки (ладьи, лоды). Второе — бондарное дело. Бочки широко применялись для заготовки, хранения и продажи результатов промыслов. В основном, рыбы, но не только, а и того, что давал лес. Солеварни варили соль из морской воды. Добывали дёготь.

Княжая Губа была сёмужная. Сёмга шла на нерест через Княжую в озеро. И поэтому промысел сёмги был одним из важнейших для местных жителей. Основным источником дохода, хотя и сезонным, но тем более ответственным.

Особый статус опорного пункта также возлагал на жителей и особые дополнительные задачи. Контроль окружающего пространства от вторжения иноземцев.

В 1589 году из местечка Каяны (территория Финляндии) по ковдозерской водной системе шведы вновь двинулись на Княжую Губу и другие поморские селения.

11. ФИНСКИЙ ПРЕВОДИТЕЛЬ ПЕККА ВЕСАЙНЕН. РАЗРУШЕНИЕ КАНДАЛАКШИ, КЕМИ И ПЕЧЕНГСКОГО МОНАСТЫРЯ, УБИЕНИЕ РУССКИХ МОНАХОВ

Местность, примыкавшая к Кандалакше, соседствовала с Восточной и Северной Ботнией — землей, населенной «каянскими немцами», то есть финнами, подданными шведской короны.

К 1589 году шведский король Юхан III разработал «восточную программу» — план захвата русского побережья Мурманского и Белого морей. Срок перемирия России со Швецией истек в декабре 1589 года. До этого времени регулярные войска шведов боевых действий не вели. Однако разбойные формирования «каянских немцев» под предводительством *Пекки Весайнена* уже 26 мая 1589 года атаковали Кандалакшу. *Соловецкая летопись* сообщает, что «того же году на Петрово заговейно в ночи приходили немецкие люди к морю в Кандалакшскую волость и на монастырь на Кандалакшской. И в монастыре братию, и в волости всех людей присекли, а иные в реце тонули, и монастырь, и церковь, и волость пожгли и животы поимали все, а людей побили 450 человек»⁷⁴.

Пекка Весайнен — разоритель русских монастырей и истребитель монахов, происходил из финнов, проживающих на территории, подконтрольной Швеции. Интересно, что в нынешней Финляндии он является национальным героем и ему воздвигнуты несколько памятников.

Это к тому, что историю всё-таки нужно знать и помнить. И смотреть на неё без розовых очков, не разбрасываясь лишний раз терминологией «братские народы», когда есть точное и всё объясняющее русское слово «соседи». Соседей не выбирают. Впрочем, и это не факт.

Печенгский Свято-Троицкий мужской монастырь — самая северная в мире православная обитель, в течение столетий являлся оплотом веры и государственности на северных рубежах России. За свою долгую историю монастырь пережил несколько жесточайших разорений.

Ещё 15 (28) декабря 1583 года перед самой своей мирной кончиной преподобный Трифон Печенгский оставил братии своей и всем нам великое пророчество: «Будет на сию обитель тяжкое искушение, и многие примут мучение от острия меча. Но не ослабевайте, братия, упованием на Бога. Не оставит Он (Господь) жезла грешных на жребии своем, ибо силен, и снова обновит Свою обитель...»

Через семь лет предсказание преподобного в точности исполнилось, отряд финских захватчиков Пекки Весайнена, подданных шведского короля, в канун Рождества Христова 1590 года вероломно напал на монастырь, уничтожили всех, кто находился в обители. 116 человек приняли мученическую смерть, еще раз подтверждая незыблемость веры православной.

Уцелевшие монахи и послушники монастыря собрались в Коле, где в дальнейшем Кольско-Печенгский монастырь существовал до 1765 года и был упразднён при правительстве Екатерины II по Закону секуляризации церквей и их имущества.

12. КОНЕЦ XVI ВЕКА — ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ О КНЯЖОЙ ГУБЕ. НАПАДЕНИЕ ШВЕДОВ НА КНЯЖУЮ ГУБУ

Мы уже приводили строки из писцовой книги Алая Михалкова⁷⁵ — первом упоминании на-

⁷⁴ Тихомиров.1951. С. 229.

⁷⁵ Конец XVI века.

звания Княжая Губа в летописях, где, кроме прочего, говорится о том, что «...запустили в том Княжегубском погостишке те дворы от немецкой войны от 98 (1590) году, как воевали свейские немцы волюсть Кандолокшу». Набеги делали как финны, так и шведы, которые... опустошали все поморские волюсти, как государевы, так и принадлежащие Соловецкому монастырю.

Осенью 1613 года селение Княжая Губа вновь было разграблено: на этот раз отрядом казаков и литовцев под командованием атаманов Сидорки и Барыш-польца.

По учёту 1712 года в Княжой Губе имелось 9 бобыльских дворов, в которых насчитывался 41 человек мужского пола⁷⁶.

13. XVII ВЕК — ОСНОВАНИЕ ПОДВОРЬЯ КАНДАЛАКШСКОГО ПРЕЧИСТЕНСКОГО «КОКУЕВА» МОНАСТЫРЯ

Известные события, вошедшие в российскую историю как «Смутные времена начала XVII века», затронули и Кандалакшу, и привели к упадку хозяйства Кандалакшского монастыря.

В начале XVIII века при Кандалакшском монастыре имелся скотный двор с 2 «келейками», действовало 5 варниц — для добычи соли: в Лувеньгской, Колвицкой, Княжей, Широкой и Кукиной губах.

Согласно отчету 17 ноября 1724 года, хозяйство Кандалакшского монастыря пребывало в упадке. И от хозяйственной деятельности монастырей государственной казне не было особой прибыли. Обитель постоянно находилась в долгах.

14 апреля 1742 года указом архиепископа Архангелогородского и Холмогорского Варсонофия (Васина) Кандалакшский монастырь был приписан к Соловецкому в честь Преображения Господня монастырю «за необходимыми нуждами и скудостью и за неумением братии и служителей» вести дела. В 1764 году угодья монастыря отошли местным крестьянам.

В годы царствования Петра I беломорские соляные промыслы были отданы откупщикам, а затем монопольным компаниям, и впоследствии они отошли к архангельскому купечеству.

Библиотека монастыря

Со времени основания Кандалакшского монастыря существовала общебратская библиотека. Кроме того, книги имелись и у самих монахов. Число книг в монастырской библиотеке постоянно росло. Иногда ими пользовались и сторонние читатели.

По описи 1705 года в библиотеке числилось 158 книг, из них 88 находилось в Богородице-Рождественской церкви⁷⁷. Значительное место занимали сочинения святителей Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Кирилла Иерусалимского, преподобных Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Дионисия Ареопита, Феодора Студита, трактаты «Слова Нила Сорского», «Зерцало о душе и плоти», 4 Пролога, «Книга Апокалипсиса, а в ней писаны иные повести многая» и другие. Имелись Жития святого Николая Чудотворца, преподобных Сергия Радонежского, Зосимы и Савватия Соловецких, святого Филиппа, митрополита Московского, «Патерик Печерский и иных преподобных отец». В приходских церквях до революции хранилось 2 напрестольных Евангелия XVI в.

В те времена Княжая Губа славилась обильными ловлями сельди. В 1768 году Екатерина II ликвидировала привилегию каргопольских купцов Ивана Маркова и Козьмы Прибыткова, которые, пользуясь монополией по откупу, скупали рыбу за бесценнок. Развитие села сразу ускорило. Согласно подворной описи 1785 года, в Княжой Губе проживало 14 семейств (69 человек обоего пола). 6 домохозяев занимались промыслами на Мурмане; один человек, имевший мореходное судно, вёл торговлю. Княжегубцы держали 11 лошадей, 11 коров, 12 овец и 69 оленей.

В 1785 году грамотные люди имелись только в трёх дворах из тринадцати. Век спустя грамотным был лишь один из семи взрослых княжегубцев. И до начала XX века в Княжой Губе школы не было, грамоте обучались домашним способом.

⁷⁷ Кроме богослужебных книг были Уложение (1649), «Летописец», 2 Грамматики (печатная и рукописная), «Письменные сборники». Из духовной лит-ры — книги «О вере», «Увет духовный» архиеп. Холмогорского Афанасия (Любимова), «Жезл правления» Симеона Полоцкого, «Изложение на еретики», «Прение со Арием еретиком».

⁷⁶ Специалисты Центральной библиотеки имени Н.В. Кольчева.

14. 1854 ГОД — ВХОД В КНЯЖУЮ ГУБУ АНГЛИЙСКОЙ ЭСКАДРЫ, ОБСТРЕЛ СЕЛА

Какие же основные промыслы развивались в Княжой Губе? По-прежнему жители Княжой Губы занимались: рыболовством — ловили морскую рыбу, сельдь, семгу; зверобойным промыслом — в небольшом количестве заготавливали морского зверя; судостроением. Многие держали домашних животных, оленей. Вели заготовку ягод, грибов, а также дров. В конце сентября — начале октября поморы снаряжали ладьи на знаменитую архангельскую ярмарку.

В 1852 году в Колу для управления краем был прислан из Москвы воевода Аверкий Иванович Палицын с небольшим отрядом. По распоряжению его в Коле построили гостинный двор, упорядочили взимание десятины и торговых пошлин.

Однако не всё было спокойно и благополучно. Надо вспомнить, что Княжая в ту пору была и опорным пунктом — пограничной (дозорной) заставой. И это вносило в её жизнь, в том числе, и трагические моменты. Так в 1854 году в Княжую Губу зашло судно английской эскадры, совершившей одновременно нападение на село Кандалакшу и Соловецкий монастырь. Село Княжая Губа тоже подверглось обстрелу.

Это событие упоминается в истории села Княжая Губа. Но в отрыве от исторической эпохи — не очень понятно, за что такая «честь» оказана небольшому беломорскому селению.

А на самом деле, как уже догадались знатоки отечественной истории, — это боевой эпизод войны, вошедшей в историю под названием «Крымская война». И вот, казалось бы, где Крым и где Белое море и Княжая Губа? Но «Крымская» — это только название войны. А на самом деле боевые действия проходили и на Дальнем Востоке, и на Балтике, и на Белом и Баренцевом морях.

Эпизод с обстрелом Княжой Губы относится к Беломорской кампании «Крымской войны». Это боевые действия англо-французской военно-морской экспедиции в течение двух навигаций 1854—1855 годов, проходившие в акватории Белого и Баренцева морей, с целью уничтожения российского судоходства, береговых укреплений и захвата или блокирования Архангельского порта. Однако действия английских кораблей в этом регионе ограничились захватом мелких купеческих судов, грабе-

жом прибрежных жителей, двукратной бесплодной бомбардировкой Соловецкого монастыря, бомбардировкой города Колы и Княжой Губы.

20 июля английская эскадра подошла к Кандалакше и высадила на берег 150 матросов, вооружённых шпагами и пистолетами. Они собрали провиант в крестьянских домах и огородах. Через несколько часов матросы ограбили близлежащее село Кереть — сожгли большой амбар, винный подвал и соляной магазин. 22 июля около сотни вооружённых британских моряков под прикрытием *переговорного флага* высадились в селе Ковда. Пополнив запасы провианта, союзники взяли с церковной колокольни два колокола, оставив взамен них один, украденный в другой деревне, и «сверх того, отбив замки у церковной кружки, забрали деньги; в питейном доме также, разломав двери, вынули вырученные от продажи деньги... и все сие увезли на фрегат, который вскоре снялся с якоря и отправился в море». В трёх селениях — Кандалакше, Ковде и Керети — казне и частным лицам был нанесён ущерб на 4000 рублей. Так вот — кому война, а кому — пожива. Впрочем, что тут нового? И на этот счёт у нас масса поговорок. В самой основе британской экономики грабёж занимал и занимает одно из фундаментальных мест.

В 1859 году в Княжой Губе произошло знаменательное, можно сказать, историческое событие — воздвигнута часовня. И, видимо, совсем не случайно часовня эта во имя святого великомученика Георгия Победоносца. «В Княжой Губе Кемского уезда принадлежащем приходу Кандалакшской церкви Предтеченской находится деревянная часовня на таком же фундаменте во имя святого великомученика Георгия, построена в 1859 году на средства местных крестьян с разрешения Преосвященного Александра Архангельского и Холмогорского от 6 марта 1858 года № 489 собственным иждивением княжегубских крестьян. Георгиевская часовня имеет в длину 4 сажени, в ширину 2 сажени⁷⁸ и в высоту около 3 сажен. Снаружи обита тесом и окрашена белилами, а внутри стены оштукатурены и выбелены мелом.

⁷⁸ В XVII веке основная мера была — казённая сажень — 2,16 метра (три аршина по 16 вершков.) Во времена Петра I русские меры длины уравнивали с английскими. Один аршин принял значение 28 английских дюймов, а сажень — 7 английских футов, то есть — 2,1336 метра.

В 1866 году усердием крестьян заведены иконы Спасителя нового письма, Божьей Матери и Иоанна Предтечи. Перед иконами две небольшие лампадки белого железа. Среди часовни стол, покрытый пеленою, на котором находятся Святое Евангелие и деревянный крест. Другого и большого имущества в часовне по скудным средствам крестьян не имеется — снабжалась часовня из Кандалакшской церкви. Надзор за Георгиевской часовней был поручен крестьянину деревни Княжегубы Андрею Осипову».

Между Колой и Карельским Поморьем через Кандалакшу была учреждена ямская гоньба, почтовая связь, провоз казенных грузов и людей, ехавших по государевым делам. Согласно исследованию А. Слезкинского⁷⁹, в 1896 году в Княжой насчитывалось 50 дворов.

В 1886 году Указом от 12 марта года № 930 Святейший Синод принял решение о возобновлении Печенгского монастыря.

Из Карелии и Финляндии на лов сельди в Княжую Губу ежегодно приходило 50-80 человек, которые по найму работали на тонях. Некоторые пришельцы оставались жить в селении и батрачили у зажиточных крестьян. В благоприятные годы в Княжой Губе производилось 35-40 тысяч бочонков сельди. «Зимою, — отмечал вице-губернатор Д.Н. Островский, — через Княжую отправляются олени подводы с семгою в Улеаборг для дальнейшей отправки по железной дороге в Петербург. Весною, в марте, сюда выезжают с оленьими подводами финляндцы для перевозки в Колу идущих на Мурман промышленников».

Продолжение в №9-10 2026 г.

⁷⁹ Слезкинский, Александр Григорьевич (1857 — 1909) — историк и журналист.

Анатолий Юрьевич КОЗЛОВ —

член правления С.-Пб отделения Союза писателей России. Секретарь СП России, член приёмной комиссии. Главный редактор ежегодника «Петербургская литература».

Писатель-прозаик, историк, журналист, драматург, поэт, критик, сценарист.

Лауреат и дипломант более десятка литературных премий, в том числе:

— Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» 2008 г.

— Диплом всероссийской премии им. Александра Невского (Санкт-Петербург) 2010 г.

Награждён медалью «Генералиссимус Александр Суворов» за вклад в патриотические традиции, 2014 г.

Лауреат историко-патриотической премии им. А.К. Толстого в номинации «публицистика» за книгу «Тысячелетний путь литературы» 2016 г.

Лауреат историко-патриотической премии им. А.К. Толстого в номинации «драматургия» за пьесу «Мы себе цену знаем» 2019 г.

Лауреат премии им. В. Голявкина 2022 г.

Автор более десятка книг.

